

КАРИНА ДЕМИНА
ПЯТЬ НЕВЕСТ
И ОДНА ДЕМОНИЦА

Карина Демина

Пять невест и одна демоница

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67722902*

Аннотация

Живешь себе, живешь, а потом раз и соглашаешься помочь старому другу. Кто бы знал, чем эта помощь закончится! Выдернули в другой мир. Демоницей обозвали. Да еще и поручили отыскать подходящую невесту местному Повелителю Тьмы. А то сам он, бедолажный, никак не справляется. Оно и понятно, женитьба – дело сложное. Вот и придется Жорке заняться, что невестами, что Повелителем, что древним Замком, у которого тоже характер имеется. И тайны.

Смертельные.

А кто сказал, что демона нельзя убить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	90
Глава 9	101
Глава 10	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Карина Демина

Пять невест и одна демоница

Глава 1

В которой повелитель тьмы призывает демона, но что-то идет не так

«И по слову его разверзлась бездна, выпустив создание столь ужасное, что все-то, кто видел его, теряли разум. И был то демон, чье пришествие принесло в мир множество бед и несчастий».
«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»

Пламя окрасилось алым и выплонуло сноп искр, которые заплясали, закружили, оседая на черных пластинах доспеха. Владелец их поморщился и отступил от чаши.

Окинув придирчивым взглядом комнату, он задумался. Стоит ли?

Возможно, есть иной способ.

Скажем, в набег отправиться. В набег он давно уж не ходил. И Легионы Смерти застоялись, а потому стоило бы встряхнуть их небольшою победоносной войной.

Но было лень.

При мысли о походе заныла задница, которая никак не желала вновь оказываться в седле. И спина тоже. Заломило плечи, на которые будто упала вся тяжесть походного доспеха.

Нет, к походу он не готов даже для великого дела.

Пламя гудело, освещая ритуальную комнату. Вот капля его, сгустившись, упала на пол, на вычерченную алой смесью дорожку. И та вспыхнула. Огненная линия вычерчивала один символ за другим.

Или купить?

Разумно ведь. И выбор большой, как ему говорили, особенно на восточном побережье.

Ричард Третий, Черный лев и единовластный повелитель Темных земель, поморщился.

До побережья попробуй доберись. Отправить кого? Кого? Его людям там не обрадуются. Особенно после того, как он сжег три приграничных крепости, а заодно уж и флот Великого Хана.

Нет, там он прав был.

Нечего на его земли ходить. И предупреждал честно, что если набег не прекратятся, он вынужден будет ответить.

Закованный в черное железо палец поскребся о личину.

Ричард вздохнул.

Можно, конечно, и посреднику заплатить. Но где гарантия, что ему, прознав о цели поездки, не заплатит кто-то еще? Помнится, любезный прадед тоже пытался. А что в итоге? Перерезанное горло и замок, который после проклятья восстанавливать пришлось.

Нет.

Вариантов не осталось.

И тяжело вздохнув, Ричард шагнул в пламя. Оно загудело, приветствуя повелителя. И приняло жертвенную кровь. Ричард чувствовал, как отзывается сила, как просыпается она, приходя в движение, наполняя древние символы.

Один за другим.

Один...

Он сделал вдох и начал:

– Правом и кровью...

Слова на древнем языке слетали легко. И сила подчинялась. Вот пламя пришло в движение, закружилось, сперва медленно, но с каждым мгновением все ускоряясь, сотворяя вихрь из огня и крови. И сам замок, древняя твердыня, знавшая не одного Повелителя, содрогнулась.

– Повелеваю! – получилось в достаточной мере грозно. Но тут Ричард запнулся, осознав, что он забыл.

Вот взял и... забыл!

То есть, нет, он помнил, чего ради затеял обряд. И демона призвал. Но точную формулировку, над которой корпел по-

следние несколько недель, тщательно выверяя каждое слово, складывая их так, чтобы не только выразили они его желание, но и не оставили возможности превратного его истолковать.

Он сглотнул.

Пламя гудело.

Сила наполняла и переполняла тело. Врата в бездну стояли разверзтые, ожидая, когда будет произнесен приказ. А в голове... в голове вертелись обрывки фраз на древнем языке.

Ричард покосился на столик, где виднелся обрывок бумаги. Кажется, тот, на котором он и записал самый последний вариант. А потом прочел его.

Раз десять.

И казалось, что каждое-то слово врезалось в разум. Казалось. Ричард протянул было руку, но осознал, что проклятый листок остался за пределом внешней черты. И если даже получится дотянуться, что весьма сомнительно, то контур нарушится.

Словно откликаясь на его слова, Замок в очередной раз содрогнулся.

И врата мигнули.

А поток силы стал замедляться. Время! Времени осталось не так и много...

– Силой своей и кровью своей, – Ричард торопливо стянул перчатку, которая упала под ноги. Клинок вспорол кожу на запястье, и кровь побежала тонкими струйками.

Он закусил губу.

Проклятье!

Вот почему с ним вечно все не так. Прав был отец, когда говорил, что из Ричарда не выйдет толку. Прав, да только... только не отступать же теперь.

– Я призываю демона, дабы исполнил он мое пожелание!

Проклятье!

Твою ж...

Ворота распахнулись, готовые проглотить неудачного призывающего. И Ричард ощутил, что там, за чертой, кто-то есть. Кто-то попался в сети его крови и теперь бился в них.

Отлично!

– Приди! – почему-то голос сорвался, а в горло вдруг влетела мошка, из тех мелких и вездесущих, от которых не спасали ни заклятья, ни липкие ленты, развешенные на кухне. Ричард даже смутно подозревал, что эти ленты мошкам весьма по вкусу, иначе не плодились бы они в таких-то количествах.

Главное, что именно эта конкретная мошка оказалась в ритуальной комнате, где мошек быть не могло!

А она была.

И влетела в рот, в горло, заставив Ричарда закашляться. Силовой поток тут же сбился, врата задрожали, готовые вот-вот схлопнуться, а тварь Бездны почти вырвалась.

– Приди! – просипел Ричард, пытаясь проглотить мошку. Но та не проглатывалась, а застряла, прилипнув к нёбу. Ка-

шель почти вызвал рвоту.

Ритуал окончательно был испорчен.

– Прими... мою... – в последней попытке спасти все, Ричард поднял клинок, – жертву...

Тут мошка отлипла ото рта и вылетела, чтобы упасть на черную сталь ритуального кинжала. Рука дернулась, и мошка слетела.

Аккурат в пылающий круг.

Туда, когда должна была упасть жертва.

Ричард застонал.

А вот сила вновь пришла в движение, с каждым поворотом ускоряясь все сильнее. Натянулись жгуты, связывавшие её с Ричардом. А он, наконец, вспомнил, что должен был сказать.

Поздно.

Врата схлопнулись. И силовой поток ударил, опрокинув Ричарда на спину. Загрохотал доспех. Запрокинулась голова. Во рту стало солоно.

И последней мыслью было: зря он так с работоторговцами.

Вариант ведь...

Аш-Найет, старшая демоница, Владычица Огненных пуistoшей, проснулась от ощущения близости прорыва. Она потянулась, подставляя гибкое свое тело лучам Хароса. Зевнула и лениво прищурилась, вслушиваясь в то, как трещит ткань мироздания.

Кто бы ни пытался пробиться, он был силен.

Аш-Найет наблюдала, как медленно разрастается трещина, сквозь которую проникают тончайшие нити заклатья. Под жесткими лучами Хароса, они обретали плотность.

Демоница отступила.

Подумала, что было бы забавно сунуть в заклатье кого-то из низших, но желание было не настолько сильным, чтобы искать подходящего демона. Нитей становилось больше.

Они качнулись.

И все повернулись к Аш-Найет.

– Ну нет, – сказала демоница. – Он ведь не всерьез?

Голос её хриловатый заставил нити качнуться, а затем броситься к той, кого они полагали жертвой. Прикосновение обожгло, заставив демоницу зашипеть от злости и боли. Она рванула было, разрывая нити, но те спеленали её, оставляя на медной красной коже белые пятна ожогов.

Шипение сменилось ворчанием. Острый коготь перерубил одну нить, но та спешно восстановилась. Выходит, тот, кто сотворил заклатье, был не просто очередным ничтожным человечком, решившим, что силы дара его хватит, чтобы поймать демона?

Нити спешили опутать.

Окутать.

Лишали возможности двигаться. И Аш-Найет с ужасом, которого не испытывала, пожалуй, со времен своего сотворения, поняла, что еще немного и чужая воля вырвет её из

родного мира. Она заревела во всю глотку, дернулась, но нити оказались крепкими.

— Пр-р-роклятая кровь!

Ее рык заставил задрожать окрестные скалы. И кто-то мелкий, ничтожный мелькнул где-то там, вдали, спеша скрыться в какой-нибудь расщелине.

Что делать?

Провал становился ближе. И ближе.

Нити заклатья тащили её, бьющуюся, но такую вдруг отворачивательно беспомощную. Аш-Наьет издала утробный низкий рык, на который сама земля ответила вибрацией. На красном камне остались следы её когтей, но и только.

Рывок.

И вот уже всепожирающей пастью нависло окно портала. Из него тянуло холодом. И Аш-Наьет осознала вдруг, что её сейчас выдернут из мира.

Её!

Сотрясательницу мира! Младшую дочь Младшего бога! Многорогую! Ужасную! Ту, что повелевала легионами при битве на Ах-аррае! Просто возьмут и выдернут, как какую-то ничтожную трехрогую, которая только и способна, что жрать да гадить?

Не бывать этому!

И собрав все силы, пробудив внутри тела ярость, которая когда-то помогла ей выжить, Аш-Наьет рванулась. Именно в этот миг, будто ощутив силу гнева её, путы ослабли.

А с порталом произошло что-то определенно не то. Она, правда, не знала, что именно. Тот вдруг задрожал, сузился, почти схлопываясь, а после раскрылся, вбирая в себя силу Аш-Найет.

Её рывок позволил разорвать нити.

Скатиться.

И Аш-Найет с небывалой поспешностью, которую кто-то мог бы принять за страх, и был бы всецело прав, рванула к алым скалам, что возвышались в отдалении. Она бежала, подгоняя себя ударами гибкого хвоста, желая одного – забиться в какую-нибудь щель и там сидеть, пока не уберется этот проклятый, трижды проклятый, маг.

И даже потеря части сути, силы своей, которая осталась в тенетах заклятья, не показалась ей сколь бы то высокой ценой.

Она услышала, как схлопывается портал, закрывая пробой в мире, и все одно забила в пещеру, облюбованную каким-то мелким ничтожным демоном. Его Аш-Найет сожрала.

Это всегда помогало ей успокоиться.

Вот так, спокойно, она и досидела до заката. И уже после, выбравшись на ледяные равнины – Харос остался на небесах молочно-белым глазным яблоком – решила, что день был, конечно, поганый, но она жива.

А это многое значит.

Что до силы... ночная охота и пара полуночных тварей

помогут ранам затянуться.

На следующий день, сытая и вполне успокоившаяся Аш-Найет окончательно позабыла о постигшей её неприятности.

Уже потом я поняла, что смерть моя была под стать жизни – бессмысленной и на диво бестолковой. Неудачной еще.

Потом.

Но тогда-то я как раз ничего и не думала.

Вообще.

Разве думающий человек попрется в полуразвалившуюся многоэтажку, застывшую на окраине города таким памятником чьим-то несбывшимся мечтам? И думающий человек точно не станет подниматься на девятый этаж, да еще спешно, пока солнце не зашло.

И становиться на краю.

– Жорка, боком стань! – крикнул Сенька, поднимая камеру. – И морду сделай вдохновенную!

Я попыталась. Вот честно. Вдохновению несколько мешала усталость и желание, чтобы эта пытка скорей закончилась.

– Да вдохновеннее... руки подними! Вот!

Моделью я никогда не была. А кем была? Затруднительно сказать. Кем может стать ребенок, которого родная матушка обозвала Жоржеттой. Ага. Жоржетта Ивановна Сидорчук. Чудесное сочетание.

Изысканное.

Так матушке казалось. И подчеркивая изысканность она

всегда называла меня только полным именем. Хорошо, что без отчества. Но тут уже не столько потому, что оно с именем почти не сочеталось, сколько из-за батюшки, решившего, что десять лет брака – это еще не повод отказывать себе в малых жизненных радостях.

К одной из этих радостей он в конечном итоге и ушел. Обыкновенная по сути история.

Матушка, погоревав немного, месяца два-три, ибо больше не позволяли обстоятельства, тоже принялась активно устраивать личную жизнь. В итоге на свет появились Ивианна, Моника и Святогор, а в двухкомнатной квартире стало тесновато.

– Вот так! И голову запрокинь! – велел Севка.

Я подчинилась.

На душе было погановато. Не из-за матушки, от нее я еще когда съехала и с тех еще, студенческих пор, в родной дом заглядывала изредка, отдавая тот самый долг, о котором матушка не стеснялась напоминать.

Не важно.

Главное, что и дальше жизнь была не сказать, чтобы все поганой. Нет. Случается и хуже. Школа. Поступление. ВУЗ средней руки. И учеба такая же. Средней. Подработка, позволявшая кое-как существовать. А потом и работа, пусть не по профилю, зато хватало, чтобы снимать комнатуху на окраине. Можно было бы и поближе, конечно, но тогда откладывать ничего не получилось бы.

Оно и так не получалось.

Но я привычно откладывала. Даже без особой надежды накопить на ипотеку. Правда, в последнее время наметились кое-какие подвижки и Антонина Егоровна, к которой я была приставлена в помощники, даже повышение обещала.

Порой случались и подработки.

И тогда вклад прибавлял.

– Живот втяни! – Севка щелкал и хмурился, пытаясь казаться серьезнее. Дурацкая идея, конечно. Кому нужна жена Жоржетта? Ага, Ивановна... без жилья, хорошей зарплаты и перспектив.

Но Севке, если что в голову взбрело, то уже не выбредет. Во всяком случае без потерь для окружающих.

Агентство он решил открыть. Брачное.

С полным сопровождением.

И брачевать иностранцев, которые, как всем известно, спят и видят в мечтах, как бы осчастливить какую-нибудь русскую красавицу собственной особою. Севка даже сайт сделал. Сам. А вот с наполнением затык случился.

То ли красавиц в Нижневоламске не хватало, то ли не мечтали они замуж за границу, то ли как-то своими силами обходились, что Севку категорически не устраивало.

– Подумай, – сказал он давече, припершись в гости с тремя пирожками и почти профессиональной камерой. – Вот что ты теряешь?

Я подумала, сожрала почти свежий пирожок и решила,

что в самом деле ничего не теряю, кроме, может быть, законного выходного. Но планов на него не было, а стало быть, почему бы и нет?

– Ты поможешь мне, а я тебе! Ты ж красивая девка, Жорка, – Севка поспешно запихал оставшийся пирожок за щеку, отчего та вздулась. Впрочем, говорить ему это не помешало. – А одинокая! И почему?

– Почему? – поинтересовалась я для поддержания беседы.

– Потому что наши мужики зажрались! Им мало, чтобы девица была красивая и умная.

Слушать было приятно, хотя особой красавицей я себя не считала. Не слишком высокая, не худая, но и не толстая, лишняя сколь бы выдающихся форм, но и не сказать, чтобы совсем уж страшная.

Обыкновенная.

– А там тебя оценят! – Севка ткнул пальцем в потолок, на котором выделялись пятна протечки. – Тем более английский знаешь, проблем не возникнет.

Я на всякий случай кивнула. Английский я и вправду знала. Ну, во всяком случае лучше многомудрой Антонины Егоровны. Собственно говоря меня и наняли-то по-за ради знания английского, который Антонина Егоровна, будучи специалистом до крайности ценным, а потому капризным, учить не желала.

Не важно.

Главное, что в Севкином исполнении перспектива заму-

жества «туда» вдруг стала донельзя заманчивой. А что? Вот познакомлюсь с каким-нибудь итальянцем или там немцем, уеду в зарубежье и заживу по-человечески.

Воображение нарисовало маленький домик на берегу океана.

Или моря.

Или просто домик. Я ведь не капризная.

Белый заборчик. Газон, чтоб как в кино. Машина. Улыбающийся муж. Счастливые дети и собака. Тем более собаку я, в отличие от детей, давно хотела завести, да квартирная хозяйка выступала категорически против. И вот эта самая, не существующая в действительности собака, окончательно развеяла сомнения.

В конце концов, и вправду, чем мне заняться-то? Страдать за несложившейся жизнью?

Севка пришел в восторг.

И потянул сниматься.

– Ты же понимаешь, что сперва выбирать будут по картинке. А стало быть, картинка должна быть профессиональной!

Поскольку Севка до того подрабатывал, снимая чужие свадьбы, то себя он считал вполне профессионалом. Во всяком случае, если и случались у него недовольные клиенты, то до бития морд дело не доходило. А это уже показатель.

– А то обычно поставят фотку, глядеть страшно...

И под Севкино бурчание мы поехали.

Сперва на водохранилище, где встречали рассвет и пыта-

лись сотворить образ, потом на какое-то поле. Там я искренне старалась войти в единение с окружающей её природой, но все как-то не выходило. Точнее не входило. Еще колесили по городу, слонялись по парку, изрядно вытоптанному любителями натуры.

Ели в кафешке.

Говорили о чем-то, то ли о его агентстве, которое обречено на успех, то ли просто за жизнь.

И вот заброшка.

Закат.

– Ты будешь великолепна! – возвестил Севка, высовываясь из-за камеры. В лучах заходящего солнца его физия гляделась слишком уж розовой. – Давай... еще шаг назад и руки, руки вверх... подпрыгни, будто пытаешься поймать солнце!

Я устала.

И прыгать не хотелось. И солнце ловить. И даже замуж. Но Севка крикнул это так требовательно, что я оттолкнулась, вытянула руки и в какой-то момент даже показалось, что я вот-вот поймаю этот ускользящий огненный шар.

В глаза плеснуло светом.

А потом...

Потом ноги ударились о бетон, и что-то захрустело, то ли в ногах, то ли под ними. И я покачнулась. Я еще попыталась восстановить равновесие, смутно подозревая, что что-то пошло не так, но пол закачался и я полетела.

Вниз.

Вот тогда еще успела подумать, что смерть эта на диво нелепая, как сама жизнь. И что не будет у меня ни мужа-иностранца, ни дома своего, ни детей, не говоря уже о собаке.

Собаку было особенно жаль.

Солнце полыхнуло огнем. Стало жарко. Холодно.

И больно.

А еще обидно донельзя. Разве я многого хотела? Просто мужа и... собаку.

Глава 2

Где призванный демон знакомится с новым удивительным миром

*«Демоны по натуре своей суть создания коварные. Ни слова правды не произнесут их уста. И горе тому, кто поверит сладким посулам их»
«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»*

Упала я на спину. Со всего размаху. Что сказать, хорошо так приложилась. От удара из легких вышибло весь воздух. А вдыхать его обратно оказалось больно. И боль эта как раз-то помогла вернуть сознание.

Но вернулось оно не сразу.

Некоторое время, как показалось, долгое донельзя, я просто лежала, пытаюсь дышать. Получалось кое-как, но все-таки получалось.

Севка, бестолочь.

Из-за него все.

И... скорую уже вызвал? А почему сам не спустился? Должен был бы. Севка, конечно, мудак, но не до такой же степени, чтобы меня бросить. Никогда не бросал. Даже в тот

раз, когда нас в универовском туалете с косяком запалили. На себя все взял.

Едва не отчислили, да.

А тут нету... и лежать жестко. Интересно, я все кости сломала или что-то целым осталось? А если все, то помру или спасут? Лучше бы не спасли. Кому я, парализованная, нужна будет?

То-то и оно.

Себя стало жаль до одури. И от жалости этой я вздохнула и поняла, что боли почти нет. Может, вправду помираю? Я попыталась сосредоточиться на процессе. Вызвать там прожитую жизнь. Сожаления. Надежды. Не получилось. Вскоре помирать с зажмуренными глазами мне наскучило. И лежать было неудобно.

Я поерзала, пытаюсь сползти с камня, который упирался в плечо. Потом подумала, что если чувствую камень, стало быть, еще жива.

Пошевелила ногами.

И открыла глаза.

Удивилась.

Я ожидала увидеть небо. Темное, скорее всего, с огненным шаром заходящего солнца. Но над головой виднелся потолок. Низенький. Беленький. Местами беленький. А еще желтый, в пятнах. И в черных потеках копоты.

Потолок выгибался дугой, и на нем тараканами разбегались странные символы. Прямо над головой зависла звезда.

Или это солнце?

Я нахмурилась.

Вот как приличному человеку помереть в таких условиях-то?

И подняла руку.

Рука двигалась. И пальцы сосчитать тоже удалось, пусть и не с первого раза. Где это я? Может... конечно. Севка вызвал скорую, а та отвезла в больничку, но там вечно мест нет. Вот и заперли меня, как не могущую заплатить за удобства, в какую-то подсобку.

Хотя... тоже странно.

Я же реально свалилась. С девятого этажа, потому как ниже Севкино вдохновение отказывалось принимать натуру как подходящую.

Нет, такое падение только в сказках может пройти без последствий. И... а если меня мертвой посчитали? И в морг отвезли? Тоже не сходится. Больничка, конечно, старая, но не настолько, чтобы морг в подземельях был. Да и мертвецы, если фильмам верить, лежали не на земле, а на красивых железных столах.

Я пощупала землю, убеждаясь, что металла нет. Есть камень.

А если...

Если все решили, что я умерла? И тело отправили в морг. Связались с матушкой. А та отказалась забирать? Сказала, что ей некогда и вообще. И... что? Тело продали?

Кому?

Не на органы. Органы из мертвецов не достают. Тогда... тогда каким-нибудь сатанистам? Правда, зачем им трупы, я не знала, но лежать окончательно надоело и я попыталась перевернуться на бок. Если я и вправду мертвая – а иначе и быть не могло – то не повредит.

Получилось.

И картинка изменилась, окончательно уверив, что бредовое мое предположение – суть правда. Нет, а как еще это можно понять?

Я лежала на полу.

На каменном полу, в котором были выбиты символы. Странные. Вроде тех, что на потолке, только побольше. В ближайшую канавку я и мизинец сунула, чтобы убедиться, что не примерещилось. Канавка внутри была грязною, и палец вымазался во что-то липкое.

Мерзкое.

Вот ведь.

Еще в комнате имелись факелы, которые горели ровным рыжим светом. Зато понятно, откуда темные потеки. Этак до пожара недолго. А огнетушителем сатанисты не обзавелись. Но поставили по углам пару позолоченных чаш, в которых тоже горело пламя.

Может, не сатанисты, а пироманы?

Или сатанисты-пироманы?

Я потрогала голову, убеждаясь, что та цела. Да и боль в те-

ле не то, чтобы прошла вовсе, скорее уж сделалась далекой.

Что еще...

Столик.

И чаша. Зловещего вида. Камни на ней поблескивают. Огромные какие. Сразу видно – стекляшки. Нож у столика. Черный изогнутый и потому тоже зловещий.

В общем, антураж впечатлял.

Я осторожно села.

Итак... странно, конечно. Если бы я умерла, меня бы вскрывали. Я оттянула ворот майки, убеждаясь, что никаких следов вскрытия не наблюдается.

Пошевелила левой рукой.

Правой.

Ступнями. Причем один был в матерчатом тапке, купленном по акции, а второй – в носке. Полосатеньком. И штопанном. Штопка чуть разошлась и в дырочку проглядывал ноготь.

Севка просил надеть босоножки на каблуке, но таких не было. Каблуки я никогда не любила, да и работа моя нынешняя требовала подвижности.

Вот и пришлось.

Тоже неправильно. В больничке бы меня раздели. А... если не было больнички? Если Севка, спустившись, обнаружил тело и... и продал его?

Сатанистам-пироманам?

А деньги на раскрутку сайта пустил?

Пальцы ощупывали затылок. Тот ныл, но откровенных ран не наблюдалось. Да и... откуда у Севки знакомые сатанисты-пироманы? Тем более готовые платить за труп неизвестной девицы? Нет, как-то оно... не складывается.

В дальнем углу что-то заскрежетало.

Я спешно повернулась на звук. Да быть того не может! Это... это розыгрыш! Конечно! Севка еще тот весельчак, правда, чувство юмора у него кривоватое, но разве он в том признается? И устроил... он мне что-то в воду подмешал. И... и не было никакого падения!

Я отрубилась, может, даже вообще в собственной квартире.

Или там, на водохранилище.

А Севка устроил все это!

– Выходи, сволочь! – сказала я, надеясь, что голос мой осипший выражает истинную глубину чувств.

Скрежет стих.

А пламя прибавилось... ну, скотина! И главное, чего ради? Это ж... сколько деньжищ надо угрохать! Помещение, антураж... а этот в доспехах?

Севка?

Не понять.

Главное, лежит черный рыцарь мордой в пол. И руку вытянул, будто пытается до меня добраться. Я и отодвинулась чуть. Так, на всякий случай.

А заодно стряхнула пыль, налипшую на джинсы.

Пыль откуда?

Цементная белая. Нет, это все Севка, чтоб его!

– Севка, я тебе... я тебе яйца оторву! – пригрозила я, становясь на четвереньки. Слегка замутило, но поза окончательно убедила меня, что никуда я не падала.

Ноги целы.

Руки.

И сама я, целиком, тоже цела. Это радовало, но не настолько, чтобы отказаться от идеи мести. Вот, спрашивается, за что он так?

Рыцарь не шелохнулся.

Он казался неподвижным и... а если даже не человек? Просто доспех. Черный. Серьезный такой. Грозный и злоеший, под стать кинжалу. Хотя... нет, проверить просто. Добраться и потыкать чем-нибудь. Или, как вариант, под шлем заглянуть.

Я решительно поползла к рыцарю. Пол, исчерченный письменами – потом задолбаются объяснять арендодателю, откуда те взялись – оказался на диво неудобным для ползания. Письмена так и норовили впиться в коленки. И даже подумалось, что драные джинсы, может, и модно донельзя, но непрактично.

На этой мысли я и остановилась.

Не потому, что мысль поразила глубиной и гениальностью, скорее оттого, что сама она уперлась лбом в стену.

Я села.

И потрогала воздух. Стена была. Невидимая. Но была.

– Я брежу, – мрачно сказала я. – Я все-таки разбилась и лежу в коме. Лежу и брежу себе потихоньку.

Загудело пламя в чашах, а рыцарь шевельнулся, пытаюсь перевернуться на другой бок. Интересно, откуда в моем бреду взялись сатанисты, пироманы и этот вот рыцарь. О рыцарях я никогда не мечтала. И если это бред, то где собака?

Логичнее ведь, чтобы вместо рыцаря собака была.

Я нахмурилась, пытаюсь силой мысли вызвать собаку, но ничего не вышло. Даже бред у меня неправильный.

И что делать?

Выбираться?

Или ждать, пока реанимация откачает? А если нет? Или...

Я ущипнула себя. Щипок чувствовался. И ссадина на колене. И комариные укусы. Кто ж знал, что на натуре столько комарья. Да... или не бред?

А что?

Я вздохнула, а рыцарь издал слабый жалобный стон. Интересно, он на самом деле или просто на соседней койке лежит? Вдруг да у них бред общий? Тогда и выбираться надо вместе.

– Эй, – тихо позвала я. – Ты живой?

Груда железа зашевелилась, перевернулась на бок и снова застыла. Только рука, которая в перчатке, оказалась ближе. Ага, стало быть, для руки стены не существует?

Или...

Я потрогала воздух. Нет. С её стороны стена по-прежнему была.

– Вот ведь, – проворчала я и потрогала уже перчатку. Перчатка трогалась. Была она холодной и железной, что в общем-то логично.

Все-таки странный у меня бред.

Я повернула руку в одну сторону, в другую, с интересом разглядывая сложный доспех, который ко всему был украшен вязью.

Черной.

Черное на черном – это весьма для сатаниста подходяще.

Приподняв руку, я отпустила её. Та грохнулась, подтверждая, что и в бреду действуют законы физики. Звук получился глубоким, тяжелым.

– И что теперь? – я опять потрогала стену. Потом двинулась вдоль нее, нащупывая руками в надежде, что где-нибудь эта стена да закончится. Но та продолжалась. И продолжалась.

И загибалась, образуя правильный круг. Я даже заметила, что очертания её соответствуют канавке, выбитой на каменном полу. Той, которая поглубже. Время от времени канавку пересекали линии потоньше, но они на стену они никак не влияли.

– Вот ведь, – оказавшись рядом с рыцарем, который по-прежнему не подавал признаков жизни, я призадумалась.

Бред или нет, но делать что-то надо. Не сидеть же мне

здесь... сколько? Пока не очнется? Или и вовсе не отойдет в мир иной? Второй вариант устраивал несколько меньше, а нынешнее положение дел в принципе не устраивало.

И как быть?

Я поднялась.

Огляделась, отмечая, что комната будет чуть больше, чем показалась в начале. И полна она самых разных вещей, одна другой страньше. Но главное, на дальней стене имелась дверь.

Такая себе суровая дверь с медною ручкой в виде драконьей головы.

А если так, то и за дверью что-то да было.

Что?

Я перевела взгляд на рыцаря и даже пнула кованую перчатку. Мертвый? Рука была теплой. А... я снова села и, пытая от натуги, перчатку стянула. Под нею обнаружилась рука, к счастью, вполне себе настоящая. Широкая такая. С короткими пальцами и аккуратными ногтями.

Ладонь переходила в запястье, а на запястье прощупывался пульс.

– Уже хорошо, – проворчала я, почти даже обрадовавшись. – Еще бы тебя разбудить как-нибудь...

Я задумалась, правда ненадолго. Какие у меня, собственно говоря, варианты?

– Ты это, – сказала я, пытаюсь ухватиться за запястье, напроць лишенное аристократического изящества. – Извини,

если что...

Я поднялась и потянула руку.

Рыцарь не шелохнулся.

– Твою ж... если это все-таки Севка, убью засранца.

Я выдохнула. И дернула тело на себя.

Раздался скрежет, и рыцарь-таки сдвинулся.

– Надеюсь, руку тебе не оторву... – я выдохнула и смахнула со лба пот. – Но если что, то сам виноват. Тяжелый, зар-р-раза...

Глава 3

Повествующая о коварстве демонов и беззащитности людей пред ними

*«И обратились люди к Богам, умоляя защитить их от гнева Тьмы. И ответили Боги. И подняли горы они, отделяя Проклятые земли от иных, запирая в них и тварей, и Повелителя их, дабы не распространялась по миру богопротивная зараза»
«История сотворения мира сущего, поведанная аскетом Асториусом по своему разумению и после многих откровений, снизошедших на него в молитвах»*

— ...руку... оторву... — донеслось откуда-то издалека. Обещание прозвучало ласково, почти нежно, и Ричард осознал, что задуманное получилось.

Только как-то не так.

Неправильно.

Его дернули и... потащили?

Его? Куда? В круг.

В защитный, мать его, круг, который должен был бы удерживать демона. Он и удерживал. И демона, и самого Ричарда, которого этот демон тянул, пыхтя и возмущаясь. Ричард хотел было дернуться, но вовремя осознал, что оружия при нем

нет.

А одолеть демона голыми руками...

Оставалось надеяться, что собственная его смерть будет быстрой и безболезненной.

– Вот так, – сказал демон.

Демоница.

Голос был женским, с легкою приятною хрипотцой, от которой по спине побежали мурашки. И еще от ужаса, ибо если демоны отличались силой, то демоницы были известны в первую очередь коварством и величайшей жестокостью.

Надежда на безболезненную смерть истаяла.

Меж тем демоница оставила его.

Обошла.

Ричард слышал, как она ступает, очень осторожно, почему-то пришаркивая, будто... ранена? Нет, раненая демоница сожрала бы его, пытаясь восстановить целостность физического вместилища. Эта же... эта поправила руки, сложив их зачем-то на груди.

И ноги.

Постучала по нагрудным пластинам. Теперь походный доспех вспоминался с глухой тоской.

– Эй, – демоница переступила через Ричарда, чтобы усесться ему на живот. – Ты там как вообще?

Ричард прикусил язык.

Авось, мертвого жрать не станет. Правда, как долго ему удастся притворяться?

– Понятно, – сказала демоница, вздохнув. – Тоже контуженный.

Пальцы её ощупывали доспех, явно пытаясь найти слабое место. Драть будет? Ричарду случалось бывать в Рах-Каешь, где еще сохранились следы ярости Младшей Дочери Гха.

Почему она просто не вскрыет металл?

За шлем подергали.

Затем под подбородок нырнули пальцы, и Ричард понял, что его игра раскрыта. Пальцы зацепились за ремешки, подергали их и демоница сказала, как почудилось, обиженно:

– Да кто ж так завязывает! На бантик надо!

Чтоб жрать было проще?

Хотя, конечно, в чем-то она права. Ремешки Линг завязывал на совесть, так, что только он и мог их развязать.

Демоница вздохнула и села.

На Ричарда.

Сидела она так долго, явно думая о чем-то своем. Возможно, в коварных её замыслах нашлось место и Ричарду, если его до сих пор не сожрали.

А может... мысль принесла несказанное облегчение. Конечно! Кровь! Его кровь, которая послужила проводником заклятья! И она же дала защиту! В теории.

Проверять теорию практикой не хотелось, но и в дальнейшем лежании Ричард не видел смысла. Пусть, конечно, демоница была нетяжелою, но сама её близость навевала мысли о вечном.

Он осторожно пошевелил левой рукой.

И правой.

Демоница напряглась.

Бросится?

Нет, она сползла и, склонившись над Ричардом, поинтересовалась:

– Живой?

Пока да. И Ричард медленно кивнул. Застыл. Бросится? В Книге силы ясно указывалось, что после перехода демоны испытывают невероятный голод, с которым не способны были совладать.

– Живой! – обрадовалась демоница.

Наверное, она была из тех, кто брезговал мертвечиной. Иначе эту вот радость Ричард объяснить не мог. А по шлему постучали и демоница заботливо осведомилась:

– Снять?

– Н-не стоит, – Ричард все-таки сел. Не с первого раза, но когда он едва не грохнулся – даже домашний доспех весил изрядно – его заботливо подхватили и помогли.

Коварство демоницы определенно превышало все мыслимые и немыслимые пределы.

– Не задохнешься?

– Нет. Отойди!

И демоница повиновалась! Она отступила на шаг, пусть небольшой, чтобы застыть в позе, которая явно выражала гнев и недоумение.

Она стояла, скрестив руки на груди и глядя на Ричарда... в общем, хорошо, что он с кровью рискнул. Иначе точно сожрала бы.

Сама демоница оказалась... маленькой.

И хрупкой с виду.

Правда, при всей этой хрупкости фигура её отличалась мягкостью линий. И грудь имелась. Такая... в общем, очень демоническая грудь, ибо как еще объяснить то, что Ричард на неё уставился.

А еще наряд этот.

Развратная!

На демонице были штаны, но с дырками. И если сперва Ричард решил, что дыры эти суть свидетельство недавнего боя, в котором побывала потусторонняя тварь, то вскоре от мысли этой отказался. Слишком уж аккуратными они были.

Ровными.

В одну выглядывала острая коленка.

В другую – хрупкая лодыжка. Обнаженная к слову. Ричард и взгляд отвел, чувствуя, как краснеет. Сверху штаны сидели плотно, вовсе уж неприличным образом обрисовывая бедра и ягодицы. Поблескивал золотом широкий ремень.

А выше, над ним... в общем, ткань была белой и тонкой. И вновь же обтягивающей. Особенно она обтягивала грудь. На обнаженных руках демоницы висели браслеты. Защитные? Наверняка. Иначе не рискнула она бы в Бездне разгуливать.

Демоны сильны.

Коварны.

И... и выходит, что эта вот хрупкость – обман? А на самом деле? Неужели...

– Ты из высших, – сказал Ричард, чувствуя, как горло перехватила невидимая рука. Он и закашлялся. А демоница подошла и ласково так похлопала по спине.

По доспеху.

И зачарованный металл не зашипел, не опалил дочь Бездны заклятьем.

Точно.

Из Высших.

Ибо сказано, что только они, сотворенные Темным Богом по образу людей, в насмешку над творениями Светлых Сестер, коих он полагал слабыми, имеют обличье, не отличное от человеческого. Но таят в нем силу немалую.

– Может, все-таки снимешь эту железку? – ласково поинтересовалась демоница. – Пока совсем не задохнулся?

– Я...

Ричард подергал завязки, и те распустились, чего никогда-то не случалось.

Но демоница...

Смотрела с насмешкою.

И глаза у нее такие... такие... демонические! Яркие сияние, каких у нормального человека быть не может!

– Давай знакомиться, что ли, – она протянула ручку, с ви-

ду невероятно хрупкую. И Ричард осторожно взял её. – Жоржетта. Но можно Жора. Жорку не люблю.

– Р-ричард, – сказал Ричард и запоздало подумал, что не стоит вот так просто называть свое имя демону. Но та не разразилась зловещим хохотом и не стала читать заклятье извлечения души.

Почему?

А у нее имя странное. Жоржетта. Жора... не оттого ли, что отражает её суть? Хотя... она-то коварна и не стала бы называть настоящее. Стало быть, прозвище.

Жора.

Жорка.

Пожирательница душ.

По спине поползли струйки пота. Кого он, бестолковый, призвал в этот мир? И не случится ли так, что скоро и люди, и нелюди проклянут Ричарда?

– Вот и познакомились! – демоница одарила Ричарда улыбкой. – А теперь давай думать, как отсюда выбраться...

Рыцарь смотрел на меня.

Смотрел.

Вот как-то даже неудобно сделалось от этого взгляда. Нет, что у меня за фантазии-то странные. Ладно, допустим рыцарь прибредился, но почему тогда не благородный, жаждущий спасти принцессу, а такой вот... такой... прям слов не находилось.

Сам-то доспех, конечно, смотрелся донельзя солидно.

И шлем этот с вензелями, решеткой спереди, за которой ничегошеньки не разглядеть, да пучком перьев на макушке, очень впечатлял. А вот рыцарь под шлемом обнаружился самый обыкновенненький.

Вот реально обыкновенненький.

Где благородство черт? И красота, от которой горло перехватило бы? Или хотя бы сдержанная изысканность, которая указывала бы на череду родовитых предков, что притаились за плечами рыцаря. Но у этого вот, рыжеватенького, взъерошенного, какие родовитые предки?

Нос картошкой да еще веснушчатый.

Кожа белая. Брови тоже светлые, над переносицей сросшиеся. Уши лопухие оттопыренные. И волосы дыбом стоят.

Обидно.

Донельзя.

Но на меня, надо сказать, рыцарь смотрел с искренним восторгом. Так еще ни один мужик не пялился. Правда, несмотря на восторг, спасти из круга не спешил.

Он осторожно встал на четвереньки, потом поднялся, оказавшись вдруг на голову выше. Правда все равно смешно. Доспех широкий и голова из горловины торчала, что капуста на грядке.

Рыцарь попытался скорчить грозную физию, но я фыркнула.

Забавный.

Он же, вытянув руку перед собой, произнес:

– Повинуйся мне, о демон!

Я обернулась. На всякий случай. Мало ли, вдруг да и вправду демон? Но за спиной никого-то не было.

– Это вы мне?

– Тебе! – возвестил рыцарь и, откашлявшись, продолжил. – Это я призвал тебя из Бездны! Кровью своей заклинал.

– Ну спасибо большое.

Бред становился все более увлекательным.

– Не за что, – рыцарь, точно, Ричард. Его зовут Ричард. И имя ему подходит примерно так же, как мне – мое собственное.

– Это был сарказм, – уточнила я.

– И-извини, – правда, он тотчас спохватился. – Я призвал тебя дабы ты исполнила мое желание!

Ага, то есть ничего не понятно, кроме того, что с золотой рыбкой он явно промахнулся. Или понятно? А если... если это не бред?

Я осмотрелась.

И снова осмотрелась, отмечая мельчайшие детали комнаты. Присела. Потрогала пол. Он все еще ощущался каменным. А желобки эти? Знаки странные? Я никогда-то мистикой не увлекалась и даже на картах не гадала, хотя все девчонки в общежитии как раз и гадали. А я вот...

Тогда откуда это?

Бред, он ведь берется из подсознания. В моем же подсо-

знании подобному хламу места не было. Это я точно знала.

Кинжал.

Чаша...

Да быть того не может! Или может? Мне ведь рассказывали... Анька вечно читала книжки про то, как кто-то там куда-то попал. Глаза защипало от обиды. Читала, выходит, Анька, а попала я? Так не честно! Но... но многое объясняет.

Рыцаря, к примеру, что стоял. Молчал. Позволял оглядеться. И доспех у него настоящий. Я опять постучала по литой груди, и та отозвалась грустным звоном.

Точно, настоящий.

И... и кто виноват?

Севка с его желанием открыть брачное агентство? Я сама, согласившаяся на авантюру? Или этот вот, который нормального демона вызвать не сумел? И... и если подумать, то... то в том мире, в старом, я мертва?

Разбилась.

Наверняка.

Там ведь этажи. И еще под домом плиты. И без шансов уцелеть было. А я цела. Жива. Стою вот. Беседую с человеком, если он, конечно, человек, ибо в мире ином всякое возможно. Правда, он меня явно принимают за кого-то другого, но... но все ведь прояснится?

Или нет?

А если... средневековье, где рыцари обретались, не зря считалось мрачным. И... и вдруг ему точно демон нужен, а

я – нет? Вдруг, узнав правду, он меня... в жертву принесет? Или просто прибьет, чтоб не мучилась?

И... как быть?

– Желание? – шепотом поинтересовалась я.

Ричард кивнул. И добавил:

– Когда исполнишь его, я отпущу тебя в Бездну!

– Домой, то есть?

Он снова кивнул.

Перспектива вырисовывалась, мягко говоря, сомнительная.

– То есть, я исполню твое желание, а ты... меня отпустишь? – я нахмурилась. Сомнений в ошибке не осталось.

Но...

– И чего ты хочешь? – я решила сперва уточнить, а потом уже рушить чужие надежды.

Ричард замялся.

И покраснел.

Хорошо так покраснел. Прямо дурные мысли в голову полезли. Но потом я подумала, что нужно быть редкостным извращенцем, чтобы вызывать демона для этого самого.

– Найди мне жену, – шепотом произнес Ричард. И добавил еще тише. – Пожалуйста.

Глава 4

О том, что и Повелители Тьмы не способны избежать кризиса личной жизни

«Земли, именуемые в простонародье Проклятыми, суть остатки великой империи, некогда простиравшейся от моря до моря. Свидетельством тому многие хроники, которые повествуют и о великом бедствии, случившемся в городе, чье имя даже я, проклятый жрецами, не рискну начертать на пергаменте. Известно лишь, что город сей был razoren демоном, который сумел вырваться на свободу. Тот демон был силен и сумел одолеть Повелителя, и сыновей его, и детей их. Однако последний из славного рода Архаг сумел отворить врата в Бездну, которая и проглотила проклятую тварь»

«Осмысление истории или же Хроники многих земель, писанные Ингаром Многоумрым в году 8756 от сотворения мира».

В глазах демоницы Ричард увидел удивление.

И недоумение.

И... и кажется, она права. Демонов призывали, дабы укротить стихию. Или остановить Туман, который время от вре-

мении выползал из Бездны, норовя затянуть отроги. К слову, уж вторую сотню лет там было тихо, что само по себе подозрительно.

Демоны двигают горы.

Сотворяют пути.

Демоны обращают в бегство войска. И вызывают бури. Демоны... многое могут, если, конечно, призывающий их способен договориться. А он, Ричард, последний из рода, вызвал... ради женитьбы?

– А что, такая серьезная проблема? – осторожно уточнила демоница.

Ричард вздохнул.

И предложил:

– Договор?

А то конечно кровь его сдерживала кровожадную натуру, но как знать, может, она лишь в круге работала.

– В смысле?

– Мы заключим договор, – повторил он, чувствуя лишь усталость. – Ты и я. Ты помогаешь мне найти жену, а я возвращаю тебя домой. Но пока ты ищешь, ты ведешь себя так... как человек.

– То есть?

– Не пытаешь отнять души, не пожираешь людей, не устраиваешь бойни и кровавых шуток.

– А... ну да, разумно, – демоница дернула себя за прядку. Волосы её были вызывающе коротки. Ни одна женщина не

согласилась бы настолько себя изуродовать.

Но то женщина.

А демоница... это же совсем другое дело!

– И что нужно делать? – уточнила она, коварно притворяясь несведущей.

– Мы смешаем кровь и призовем силу, – Ричард отступил. – А потом произнесем слова клятвы. И тогда я тебя выпущу.

– Это хорошо... – прядку она пыталась намотать на палец. К слову, довольно обыкновенный.

Хотя... что он о демоницах знает? Даже в книге есть лишь весьма приблизительное изображение Младшей дочери Бездны. А со старшими и вовсе никто не встречался.

Точнее вряд ли остался жив после встречи.

– То есть, я ищу тебе жену, и ты меня отпускаешь?

– Да.

– Душ не красть, не пожирать людей? А защищаться я могу?

Ричард задумался, но вынужден был сказать:

– Если жизни твоей угрожает опасность, то да, ты можешь убить человека. Или не человека. Но не пожрать и не украсть душу.

– Хорошо, – демоница прикусила губу, задумавшись. Впрочем, ненадолго. – Я согласна.

А что еще оставалось делать? Сидеть в круге и страдать,

пока не помру от голода и жажды? Как-то не вдохновляла такая перспектива совершенно.

Демоны же...

Подумаешь, я в театре школьном, помнится, одно время числилась и даже играла. Лошадь. Переднюю часть её. Заднею была Машка, которая то спотыкалась, то толкала меня в спину, а еще постоянно ныла, что ей тяжело. В общем, после Машки я с ролью демона как-нибудь да справлюсь.

Я мазнула ладонью по носу, который подозрительно зачесался, и поинтересовалась у грядущей жертвы сватовства:

– Так что делать надо-то?

– Клятва! – торжественно провозгласил Ричард. И очень осторожно взял мою руку. – Мы смешаем кровь.

Надеюсь, пить не придется.

– И ты поклянешься своей силой и сутью...

Ладно, силы у меня не то, чтобы есть, скорее даже наоборот, поклянусь. А сутью-то зачем?

– И ты меня выпустишь? – уточнила я.

Что сказать. Сам обряд прошел... как-то обыденно, что ли. Мне ткнули в палец кинжалом, который гляделся грозно, таким не в пальцы бы тыкать, а врагов разить. Но и с пальцем он справился. Себе Ричард руку разрезал. Кровь его упала на мою руку.

А потом прозвучало торжественное обещание отпустить меня после того, как я исполню его желание.

Ну а я, стараясь сдерживать нервный смех, пообещала в

свою очередь никого не жрать и вообще не чинить лишнего ущерба, а заняться делом.

То есть, поисками жены.

Вот ведь... и главное, он, если подумать, ничего такой. Ну да, не красавчик, но и не страшный.

– Все? – поинтересовалась я, сунув палец в рот. Всегда так делала. И вообще ненавижу кровь сдавать.

Ричард кивнул, но как-то... нерешительно, что ли.

И на меня уставился, будто ожидая чего-то. Чего? И в следующее мгновение стало вдруг жарко. Настолько жарко, словно я красного перца грызнула.

Я и рот раскрыла, выдохнув облачко красного пара. Что за... кинжал отравлен?

– Теперь, о великая Пожирательница, – Ричард явно выглядел довольным. – Боги услышали нашу просьбу.

Богов мне только для полного счастья и не хватало.

А Великая Пожирательница, вот честно, звучит еще хуже, чем Жоржетта Ивановна. Не такая я уж и великая. Вполне себе в пределах нормы нахожусь.

Ричард же сделал шаг назад.

И еще.

Тихонько так выбираясь за пределы круга.

– Стоять! – рявкнула я. – А я?

Ричард явно смутился. И руку с кинжалом своим отравленным – вот знала, что не стоит верить всяким там проходцам – за спину убрал.

– Я разомкну круг!

– Неужели?

– Изнутри это невозможно сделать. В конечном итоге, я ведь тоже клялся не причинять вам вреда.

А да, помнится, было что-то такое.

– Умоляю проявить терпение.

Проявлю.

Вот терпения у меня бездна. Была. Мрачным взглядом я проводила этого... рыцаря, который, оказавшись за границей невидимой стены – теперь я её ощущала, даже не касаясь – первым делом поднял упавший столик.

Потом чашу.

Клинок.

И вымазав его своею кровью, воткнул в пол. Выглядело впечатляюще.

А стена исчезла. Я подошла. Тыкнула в нее пальцем, ну, туда, где она по ощущениям была. И палец проткнул воздух.

Попробовала ногой.

Наступила на что-то жесткое. Ах да, я же тапок потеряла, а носки мягкие. И надо, наверное, попросить обувь. И не только обувь.

– Не стоит опасаться, госпожа Пожирательница, – сказал Ричард. – Отныне Замок принял вас, как мою гостью.

– Спасибо, – мрачно ответила я, осознав, что оказалась черт его знает, где. И как теперь в этом «где» жить? И отзываясь на грустные мысли, заурчал живот.

Выразительно так.

Я сглотнула.

И уставилась на Ричарда, который немного побледнел, но взгляд мой выдержал:

– Я велю накрывать обед, – сказал он.

– Спасибо. Мне бы еще тапки какие... и вообще... – я наклонилась и почесала коленку, на которой вспухла розовая шишка комариного укуса. – Помыться. Переодеться.

– Конечно. Позвольте проводить вас?

А у меня выбор есть?

Но я кивнула, надеясь, что выглядит кивок в достаточной мере величественным.

– К сожалению, мы не рассчитывали... – мне открыли дверь и отступили, пропуская вперед. Ломаться я не стала. Эта комната вдруг показалась до отвращения тесной.

И пахло в ней нехорошо.

Лестница.

Что сказать. Узкая. С высоченными ступеньками. Еще и закручивается штопором. Я старательно шествую, придерживаясь рукой за стену, которая каменная и холодная. Из стены торчат штырьки, на которых держатся светящиеся сосульки. Ну, на сосульки они похожат больше всего. И главное, лестница эта кажется совершенно бесконечной.

Я даже запыхалась.

Но виду стараюсь не подавать. В конце концов, демоны, они же... какие, собственно говоря? Помимо того, что жрут,

что ни попадя?

А вдруг...

Вдруг он решит меня накормить... чем? Человечиной? Меня тотчас замутило. Откажусь? Сразу поймет, что демон неправильный. И... тогда что?

Мысли в голове метались, что мотыльки у лампы. И как назло ни одной толковой. Но мы в конце концов пришли.

К двери.

А за дверью, к счастью, скрывалась уже не лестница – еще одной я бы не выдержала – но коридор. Такой себе... умеренной зловещности. Каменные стены. Каменный пол. Все сурово и брутально. Сосульки и те светили едва-едва.

– Это нижние уровни, – сказал Ричард и тоже смахнул пот со лба. Надо же, и он запыхался. Хотя, конечно, я сама по себе шествовала, а он еще и в доспехе. Понятно, что притомился. Вон, от пота и волосы слиплись. И сам дышит с при-
свистом.

– Есть еще и верхние?

– Да. Но там подъемник, – он махнул куда-то вперед. – Извините. Давно не спускался.

– А зачем вообще... ну, так далеко. Глубоко. Не знаю!

– Ритуальную комнату построили рядом с источником, – ответил Ричард, когда перестал хватать воздух губами. – Да и Замок раньше был немного другим. Поменьше. Это потом достраивать начали. Казармы для Легионов Смерти...

– Ага, – только и выдавила я.

– Сперва они были снаружи, но еще мой прапрапрадед постановил, что в полном составе их держать очень энергозатратно. Вот и создал усыпальницы.

– Для Легионов?

– И для них тоже. Еще виварий. И конюшни.

– Конюшни – это хорошо. Лошадок я люблю, – призналась я в каком-то приступе откровения. Ричард покосился. В глазах его читалось сомнение. Ну да, наверное, демонам не положено проявлять чувства и вообще иметь их. Но это же лошадки!

– Потом еще... родовой склеп. В общем, много всего.

– А жилые комнаты тут есть?

Как-то не вдохновляла меня мысль жить и работать в чем-то родовом склепе.

– Естественно. Но чуть дальше. Здесь... не работают механизмы. Сила мешает.

Тогда ладно.

Он разогнулся, как показалось, с некоторым трудом, и весело полязгивая доспехом зашагал по коридору. Мне оставалось догонять. Я и догнала. Пристроилась рядом, благо, коридор был довольно широк. Время от времени то на одной, то на другой его стене появились черные провалы ответвлений, однако заглядывать в них я не рискнула.

А после того, как откуда-то донесся протяжный рык, и во все испытала преогромное желание схватить моего провожатого за руку. Чтоб не потеряться.

– Это гиппардиус, – пояснил Ричард. – Вышел из спячки, вот и переживает.

– Сочувствую, – это я сказала вполне искренне. Я тоже всегда переживала, когда мою спячку прерывали. А случилось это частенько.

– Ксандр готовит сонную смесь, так что дня два и он снова уснет.

– А Ксандр – это...

– Мой распорядитель. И управляющий. Друг.

Ричард остановился и обернулся так резко, что я едва не шарахнулась.

– Вы ведь не попытаетесь его развоплотить?

– Я же обещала никого не жрать, – палец снова заныл, напоминая о данной клятве, и я сунула его в рот. – И не собираюсь. Честно.

Ричард прижал руку к доспеху и сказал:

– Я благодарен вам за понимание, но дело в том... Ксандр, он бы как это выразиться... не совсем человек... точнее человек, но не совсем живой...

Лич.

Это так называлось.

Когда немножечко мертвый маг решает взять и немножечко воскреснуть. То есть, подозреваю, что не все так просто, иначе этих личей развелось бы, что тараканов за печкой. Не важно. Главное, что он был.

Ксандр.

Лич.

Немертвый.

А выглядел почти как живой, разве что бледноват. И даже при том, что сам хозяин замка румянностью не отличался, лич выглядел вовсе уж белым. Или это просто внешность такая?

Высокий, на полголовы выше Ричарда, он завораживал какую-то неестественной красотой. Вот уж где и черты лица правильные, врожденный аристократизм прямо-таки на физиономии отпечатан. Светлые, почти белые волосы пребывают в легком беспорядке.

Черный костюм сидит идеально, несмотря на полную нелепость кроя. И лишь кровавая слеза рубина поблескивает в пышном кружеве воротника.

– Ты все-таки сделал это, – произнес Ксандр.

А глаза у него черные.

Вот просто черные, без деления на белок и радужку. И чернота эта живая, переливается, перетекает, и кажется, что там, в глазницах, обретает туман.

Нехороший.

Мне вот сразу захотелось завизжать, грохнуться в обморок и запустить в этого вот... лича тапком. Не уверена, правда, что поможет. И потому я ответила дружелюбной улыбкой и сказала:

– Доброго дня.

– Ночь на дворе, – меланхолично заметил Ксандр.

– Тогда доброй ночи.

– Ночь доброй не бывает.

Он что, издевается? Кажется, Ричард пришел к такому же выводу, вон, и уши покраснели.

– Тогда злой вам ночи, раз добрая не по вкусу, – не выдержала я.

Лич он там или просто так прикидывается, но мог бы каплю вежливости проявить. В конце концов, не каждый день тут демоны случаются.

– Ксандр, позволь представить тебе Великую Пожирательницу Душ! – возвестил Ричард так громко, что у меня в ухе засвербело.

– Можно просто Жора, – сказала я.

А Ксандр улыбнулся.

Вот... лучше бы он и дальше с мрачной рожей стоял. Теперь мне этот оскал в кошмарах сниться будет.

– Что ж, в таком случае, счастлив приветствовать вас...

Глава 5

В которой демоница изволит трапезничать, а заодно обсуждаются планы порабощения вселенной и поиска жены

«Чтобы слыть галантным кавалером, надобно соблюдать несколько простых правил. Во-первых, воздержаться от пускания ветров в присутствии дамы. Во-вторых, не след вытирать руки о скатерть или занавеси, или иные предметы, для оной цели не предназначенные. В-третьих, сморкаясь, надобно поднимать мизинчик, дабы действию сему придать должное изящество».
«Советы галантным кавалерам или же руководство по обретению личного счастья малыми усилиями»

Демоница ела.

Демоница ела мясо, закусывая его полупрозрачными листьями хариззского салата и крохотными плодами помидорного куста. Их Ксандр подал явно издеваясь, а теперь вот сидел и смотрел.

Прямо сидел.

Всегда Ричарда бесила эта вот его манера выражать отношение к происходящему не словами, как нормальные люди

делают, и даже не руганью, а позой. И в нынешней читалось недоумение.

А демоница ела.

Голодная. Главное, сама-то маленькая, зубы тоже невелики, такими и добычу толком не ухватишь, зато вилкой и ножом управляется весьма ловко. Даже поневоле закрадывается мысль, что правы были те, кто утверждал, будто сии предметы суть порождение мира Хаоса.

Вилкою души цеплять удобнее.

Ричард покосился на Ксандра, который провожал каждый плод печальным взглядом. Неужели и вправду думал демоницу отравить?

Хроники явно указывали, что ко всем ядам земным порождения иного мира не чувствительны.

– Так что у вас тут происходит? – демоница лизнула вилку и потянулась за кубком, попробовала, поморщилась. – А воды можно? Или компотика там?

– Это ишерское вино двадцатилетней выдержки, – почти оскорбился Ксандр, который был категорически против того, чтобы поить демоницу вином.

– Все равно лучше компотика, – она решительно отодвинула кубок, словно и не заметив, что сотворен он был из лунного серебра.

Как и вилка.

Выходит, что против высших демонов лунное серебро бессильно?

Это наблюдение стоило записать.

Потом.

Позже.

– Я жениться хочу, – Ричард осторожно отпилил кусок мяса ножом. Даже получилось не резануть по тарелке. И вилка больше из рук не выскальзывала. Ксандр мог бы быть доволен, а то вечно пенял на отсутствие манер. А разве Ричард виноват, что руками ему удобнее?

И не только ему.

Логар вон тоже руками предпочитает есть.

Хорошо, что он на рубежах. Точно вызову бы воспротивился.

– Это я уже слышала. Но зачем? – демоница дотянулась до бледно-розовых ягод, возлежавших на хрустальной чаше. Помнится, чаша эта в списке трофеев значилась, как Благословенная светлыми силами. Но демоница вновь будто и не заметила.

Или за пару сотен лет благословение выветрилось?

– Ну, просто чтобы понять, где тебе эту самую жену искать и вообще какой она быть должна, – ягоду демоница раскусила и скривилась. – Кислятина какая.

– Их запивают кровью врагов, – уточнил Ксандр.

Так, между словом.

– Нет, все одно компотик лучше. И сахарку туда добавьте.

– Чего?

– Сахару... – она задумалась, сморщив лоб. – Ну или ме-

ду. Мед-то у вас имеется?

– Имеется, – Ксандр сцепил тонкие свои пальцы. – Что же касается вашего любопытства, то здесь все просто. Пришел срок.

– Жениться?

– Именно.

– А у вас тут по сроку женятся? – поинтересовалась демоница и любопытство её было вполне искренним. И повторила. – Мне просто, чтобы понять.

– Ричард – последний представитель славного рода Повелителей Тьмы, – Ксандр говорил, не сводя с Ричарда взгляда, за что стало неудобно. Настолько, что кусок мяса соскользнул с вилки, чтобы упасть на пол. Ричард поспешно воткнул её в другой, а тот, упавший, запихнул под стол. Вдруг да не заметят. Или хотя бы демоница не заметит. – И смерть его обернется величайшей трагедией для всех окрестных земель.

Ксандр поднялся и заложил руки за спину.

– В незапамятные времена предки Ричарда совершили почти невозможное. Они выступили против самого Мардуха, великого и ужасного. Вырвавшись на свободу, тот шествовал, разоряя земли. И лилась кровь. И смерть спустилась с небес.

– Хаос и разрушения, – пробормотала демоница.

– Именно. И тогда-то великие некроманты семьи, что правила миром, объединились. Повергли они семерых ужасных

дочерей Мардуха. Изгнали в мир Хаоса демонов войны. А самого малого бога заточили.

– Сурово, – демоница огляделась, явно высматривая, что бы еще съесть.

– Он погружен в сон и скован многими заклятьями. И будет сон этот длиться вечность, если, конечно, останутся в мире подлунном те, кто сказал первое слово. Если же исчезнет кровь, то цепи спадут, а Мардух вернется.

На этом моменте Ричард, как обычно, ощутил укол стыда.

– Тогда... как получилось так, что он один остался? – поинтересовалась демоница, глядя так пристально, что стало совсем уж неудобно. – Ну, если так было нужно, то неужели не стоило бы озаботиться... там гарем завести или еще чего?

– До недавних пор род Повелителей тьмы был велик, – признался Ричард. – У моего деда было четверо братьев, а у отца – трое.

– И куда все подевались?

– Эвер, это брат моего деда, погиб в битве с демонами. И Навер, его брат, они в один день рождены были, не сумел оправиться от потери. Он пытался призвать дух, однако сам был пожран бездной.

– И детей они не оставили.

– Он принес их в жертву, пытаясь призвать дух брата. И своих, и его... – Ричард вздохнул. – Нашияр же, младший в роду, решил, что мой дед ослабел и попытался его убить. Он объединился с Кафиром, средним братом, устроил заговор и

был казнен. То есть обоих казнили. То есть, не совсем, чтобы казнили. Дед пытался захватить замок, и когда стало ясно, что Легионы Смерти вот-вот ворвутся, Нашияр призвал тьму и упокоил всех, кто был в замке.

– Мда, сложно у вас тут...

– Дед говорил, что потерял половину Легиона, да и тьму там до сих пор не вывели, – Ричард почесал вилкой кончик носа, а потом спохватился: что о нем демоница подумает?

И вздохнул.

Покосился на Ксандра, который с презадумчивым видом любовался стеной. Точнее барельефом, её украшавшим. Барельеф изображал сражение с Мардухом и изобиловал деталями, по задумке создателя, должными в полной мере отразить всю чудовищную жестокость Темного.

Деталей было много.

И к исполнению художник подошел с большим знанием дела. Был он довольно талантлив... в общем, у Ричарда никогда-то не получалось смотреть на сие творение без легкой тошноты.

А вот Ксандру нравилось.

Говорил, что напоминает о бренности бытия.

– И стало быть, ты должен жениться, – демоница тоже уставилась на барельеф с видом презадумчивым. Светлые глаза её подернулись поволокой, верно, творение Безумного Арраха напомнило демонице о доме.

– Да.

– Понятно. То есть не совсем чтобы, но... демона-то для этого вызывать зачем?!

– Вот и мне интересно, – пробормотал Ксандр и щелкнул пальцами, чтобы подавали десерт.

– Дело в том... в общем... – Ричард понял, что понятия не имеет, как выразить все то, что он чувствует. А ведь готовился. Речь написал.

В четырех вариантах.

Ни один, правда, не нравился, но это же мелочи.

– Выбрать надо, – выдавил он, наконец, под насмешливым взглядом Ксандра и печальным – демоницы.

В мире Хаоса слабых не любят.

А он как раз-то слаб.

– А есть из кого?

Ричард кивнул.

– Уже хорошо, – демоница подвинула к себе блюдо с медовой слойкой и старательно обнюхала её со всех сторон, после чего с явным сожалением отодвинула. – Рассказывайте тогда.

– Понимаешь. Понимаете, – Ричард все-таки не удержался, встал. Была у него дурная привычка расхаживать. С детства еще. Как-то... и думалось легче, что ли?

Вот и сейчас в голове прояснилось.

А что смотрят, так... так он все-таки Повелитель Тьмы и хозяин Замка. Имеет право расхаживать. Даже в столовой.

Именно.

Окончательно ободрившись, он принялся излагать:

– Я бы хотел взять в жены девицу, которая бы происходила из древнего рода, – он загнул палец.

– Породу улучшить?

– Скорее сохранить, – процедил сквозь зубы Ксандр. – Представители старых родов несут в себе силу, и этой силы хватит, чтобы выносить и родить дитя.

– Именно, – кивнул Ричард. – Моя мать... она была не из древнего рода. Дочь купца...

– Если еще купца.

– Не важно! – Ричард резко остановился и глянул на Ксандра с недовольством.

– Отчего же? – Ксандр это недовольство проигнорировал. Впрочем, как всегда. – Она с трудом родила одного живого ребенка. Прочие же уходили сразу после рождения. А это... не то, что нам нужно.

– Что же вам нужно? – в голосе демоницы почудилось раздражение.

– Женщина, способная родить трех-четырех сыновей.

– А дочери?

– В нашем роду появляются только мальчики, – сказал Ричард. – Но если и дочери, то...

– Найдем, куда использовать.

– Надо же... – демоница вновь повернулась к барельефу. – Стало быть, древнего рода, с...

– Силой?

– Именно. И крепкая физически. Чтобы родить. Еще что?
Ричард подумал и сказал:
– Да, наверное, это главное. Остальное – как получится...

Глядя на барельеф, украшавший стену, я окончательно убедилась, что попала в мир иной. В моем родном мозгу, известном мне до последней извилины, просто не могло существовать подобных кошмаров. И главное, до чего художественных!

Тут тебе и горы.

И город в кольце их. Причем исполненный так, что можно разглядеть не только дома, но резные ставенки на них. И ладно бы только ставенки... над городом возвышалось многорукое чудовище с лицом столь прекрасным, что хотелось смотреть и смотреть. Однако в руках его, числом шесть, корчились люди. По сравнению с чудовищами гляделись они крохотными, но все одно можно было разглядеть и перекошенные от боли лица, ужас на них.

Искореженные тела.

Существ, что жались к ногам чудовища. Отвратительных, уродливых столь же, сколь прекрасно было оно. Людей.

Кровь.

На этом, мать его, белом барельефе, снежном, каким может быть мрамор, я все одно явственно видела кровь. Много-много крови, что текла по улицам города, грозя затопить его.

Ну нафиг! Такое смотреть – свихнуться недолго. А я себе была нужна в здравом уме.

И потому все-таки сумела отвести взгляд. И главное, даже не замутило, напротив, живот заурчал, а я вновь почувствовала голод. Это от нервов, не иначе.

Я поспешно придвинула к себе миску с чем-то, весьма похожим на пахлаву. Пахло от нее медом и травами, и кажется, орехами. Голос совести очнулся, шепотом напомнив о диете. Я же велела ему заткнуться. У меня стресс. Какая диета! И вообще...

Пахлава оказалась сладкой до приторности.

Я жевала.

На меня смотрели.

Выжидающе так. С надеждою даже. Они что думают, что я пальцами щелкну и тут появится девица с запрашиваемыми характеристиками? Ага... как бы не так. Знаю я их.

Я и Севку предупреждала, между прочим, что сватать кого-то кому-то – дело на редкость неблагодарное и вообще дурное. Что это сейчас у них требований два пункта, а вот появится здесь какая-нибудь очень здоровая особа благородного происхождения, так сразу и список вырастет.

Окажется, что у нее глаза не того цвета.

Волосы не так завиваются.

Бюст большой или маленький, и вообще нужно немного другое.

Нет уж, проходила такое... правда не с рыцарями, а с при-

ятельницами, но не думаю, что разница столь уж велика.

— Значит так, — я дожевала пахлаву, от которой во рту осталась вяжущая горечь, но компотика мне так и не принесли, как и воды. — Для начала давайте осмотримся.

— Осмотримся? — рыцарь нахмурился.

Забавный он.

Последний представитель рода... взгляд невольно потянуло к барельефу, и я вдруг поймала себя на мысли, что все тот не ужасен. Скорее... интересен.

Точно.

Как произведение искусства.

— Ну... — я взмахнула вилкой. — По сусекам поскребем там... по окрестностям... землям, в смысле, окрестным. Или у вас тут девиц подходящих совсем нет?

По тому как переглянулась эта парочка, я с тоской поняла: таки да.

В смысле нет.

Девиц.

Глава 6

Где демоны делают не самые приятные умозаключения

«И демоны, коль случится встретить им человека, начинают вести речи прельстивые, кои хочется слушать. Дурманяют они разум, заставляя позабыть обо всем. И человек, воли лишившись, добровольно передает душу свою в когтистые лапы демонов, отчего сам попадает к ним в услужение вечное»

«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»

Еда со стола исчезла по мановению руки. Слуги, двигавшиеся столь тихо, что вовсе казались неживыми – хотя, кто этот ненормальный мир знает, может, и вправду неживые – смахнули со стола пыль и крошки, а Ксандр вытащил длинную, метра в этак два, тубу.

В тубе обнаружилась карта, которая и легла на стол.

– Здесь мы находимся, – сказал он, обведя центр карты когтем.

Я икнула.

Коготь был длинным и слегка изогнутым, а еще поблес-

кивал лаком. И камушек в нем сиял. Синенький. Надо же, какой лич... метросексуальный.

Но я устала на карту. Никогда-то их не любила. Помнится, еще моя учитель географии лишь вздыхала, когда я пыталась отыскать Танзанию.

Или Гибралтар.

До сих пор только и запомнила, что само это слово. Хорошее. Рычащее такое.

– Подожди, – Ричард коснулся уголка, а потом взял и провел ладонью. И над белым полотном, испещренным рисунками, поднялись горы.

Настоящие!

Только маленькие такие, просто прелесть. А вот и реки... тончайшие нити, что начинаются где-то в горах, а потом сползают в долину, свиваясь синим жгутом. Море переливается всеми оттенками бирюзы.

Земли.

Зеленые леса. И луга.

Замок тоже есть! Надо же какой... огромный. То есть, на карте крохотный совсем, но я-то способна прикинуть масштаб.

– Здесь был повержен Малый бог, – Ричард ткнул в черную проплешину в самом центре карты. Она осталась куском обожженной бумаги. – Здесь когда-то стояла столица древней Империи. И стоит сейчас.

Я прищурилась.

Ничего.

Только черное пятно.

– Проклятое место, – сказал Ричард. – Именно для того, чтобы оградить весь мир от тьмы, что рождается здесь, и были подняты горы.

Ага, тогда понятно, отчего долина имеет столь правильную форму.

– Долгое время земли окрестные были населены лишь чудовищами, коих тьма плодила в огромных количествах, – продолжил рыцарь, как показалось, мечтательно. – И предки мои хранили сей край, истребляя проклятых.

Мальчику хотелось подвига. Определенно.

А жену, как подозреваю, наоборот.

– Но шли годы. И дыхание тьмы развеивалось, чудовищ становилось меньше, и легионы справлялись сами. Постепенно земли очистились.

– И сюда пришли люди, – догадалась я, ткнув пальцем в ближайший городок. Какой хорошенький, будто игрушечный. Городок разом увеличился, позволив разглядеть и высокую стену, его окружавшую, и площадь, и дома, и даже людей.

– Именно, – согласился Ричард. – Они стали селиться. Возделывать землю. Пошли в горы.

– И обнаружили золото, – Ксандра, кажется, данное обстоятельство совершенно не обрадовало.

– Еще серебро и алмазы.

То есть, жених перспективный? Можно, сказать, с приданным. И жилплощадью обеспечен. Ну, я так думаю... в смысле тут одна столовая такая, в которую вся моя квартирка войдет, включая лоджию.

Это дело упрощает.

Или... нет?

Парень-то, вроде, неплохой. И передать его надо в добрые заботливые руки, а то на жилплощадь мигом какая-нибудь стервь позарится. И Замок отберет, и приданое, а самого отправит в эти самые проклятые земли голым да босым.

Ричарда стало жаль почти до слез.

– Сейчас на землях моих семь поселений. Самое крупное – Арканд, – Ричард ткнул городишко, который прилип к берегу реки. – Через него и идет один из самых важных торговых путей. Тех, что со внешним миром.

То есть, горами дело не ограничивается.

– Большею частью по реке. Мои предки то ли не сумели, то ли побоялись трогать Арканд, – он уже указал на реку, – и образовали естественный путь. Благо, порождения тьмы большей частью воды боятся. Некогда по реке доставляли зерно и прочие... необходимые вещи.

Понимаю, гонять чудовищ – занятие благородное, однако от бытовухи оно не спасет.

– Теперь русло расширили, пороги сгладили, да и путь по горам во многом изменился, сделался проще.

– Чем и пользуются... всякие, – Ксандр поморщился. –

Главное, что здесь бессмысленно искать девицу должных качеств.

Это я уже поняла.

– Морскую дорогу тоже используют, – коготь обвел ту часть карты, где радовало глаз морская синева. – Но залив не самый удобный. Рифы. Скрытые течения. Провалы. Да и много чего. Так что ходят только самые отчаянные.

И опять же, без невест за плечами.

– А... как решали вопрос ваши предки? – я обошла стол, едва не столкнувшись с личем, который предружелюбнейше оскалился.

Оскалом меня не напугаешь.

Я Антониной Егоровной воспитанная, тоже улыбаться умею. Дружелюбно. А что у него глаз чуть дернулся, так... нервы-то и после смерти беречь надо.

– Большею частью на рабских рынках, – признался Ричард. – Давали заказ, им и привозили девиц подходящих. Брутальненько.

И главное, эффективно, да еще и с доставкой на дом.

– Но... порой это приносило... в общем, моя бабушка де-да отравила.

– Печально.

– И это не единичный случай. Бывало, что резали. Или проклинали. Или еще вот... что придумывали.

А фантазия у обиженных женщин работает неплохо.

– Кроме того... – Ричард вновь покраснел. – Я рабство

отменил.

– Очень... прогрессивно.

По-моему, он не понял, что это я хвалю и смутился еще больше.

– Еще он сжег корабли работорговцев, их повесил, а хану выпустил кишки и оставил в лесу живым, – счел нужным уточнить Ксандр.

Ричард виновато пожал плечами:

– Они разграбили несколько молодых поселений. А это дурно сказывается на репутации.

Ну да, то ли дело чьи-то выпущенные кишки. Они, надо полагать, репутацию несказанно укрепляют. Но я киваю. Я ж демоница, а у них собственное представление. В том числе о репутации.

– И теперь купить жену не выйдет.

– Я ему говорил, что надо сперва девку выбрать, а потом уже жечь, – заметил Ксандр.

Ябеда.

– Я разозлился просто... ладно, если бы ограбили, это еще понять можно. Ну, чисто по-человечески. Или в рабство обратили. Так они ведь тех, кого не обратили, просто прирезали. И стариков, и больных, и детей.

Что-то у меня осуждение закончилось.

Кишки, если подумать, это... это вполне в духе мира. И заслужил. Детей-то зачем.

– Вот и разнервничался я. Немного.

– Бывает, – выдавила я. – Хорошо... тогда... если без работорговцев?

– Как-то мой прапрапрадед, Эрих Ужасный, украл себе принцессу. Он был очень странным, – признался Ричард. – Любил выходить к людям.

А люди, подозреваю, этому не слишком радовались.

Ну чисто теоретически сложно порадоваться появлению человека, которого окрестили Ужасным.

– С легионами Смерти, – подтвердил мою догадку Ксандр. Как там? Кто ходит в гости по утрам...

– Время было тяжелым. Земли мало. И та тьмой отравлена. Горы тоже опасны. Семейная казна опустела...

А жрать, как полагаю, хотелось.

– Вот он и... грабил. Немножко, – Ричард показал пальцами, сколь мало грабил его предок. И поспешил уточнить. – Он замки грабил. А деревни не трогал. И детей не убивал. То есть, с принципами был человек.

– Уважаю, – выдавила я, продолжая разглядывать карту. Надо же как-то привыкать к миру, в котором оказалось.

– И он осадил Ладхем, – Ричард ткнул куда-то в сторону, разворачивая карту. И по другую сторону гор возникли леса, поля... много полей. И много поселений, что крохотных совсем, что весьма даже солидных. А город и вовсе показался огромным.

Ну, по сравнению с прочими.

– Правда, взять его не получилось. Мог бы, но... тьма

вновь стала оживать, и ему пришлось вернуться.

– Но он взял неплохой выкуп, – влез Ксандр, который точно знал, как испоганить светлый образ темного героя. – И еще данью их обложил.

– А женился на ладхемской принцессе, – Ричард увеличил город.

Надо же... белоснежные здания, такие хрупкие, будто из сахара слепленные. И красивые. Готика это? Или барокко? В искусстве я разбираюсь еще хуже, чем в географии. Но смотрится удивительно.

Город стоял на берегу моря, которое здесь, на карте, гляделось ярко-синим, игрушечным, как и корабли, по нему плывшие.

Хрупкие паруса.

Высокие борта. И... и я залюбовалась.

– Как ни странно, но этот брак многое изменил, – Ричард склонил голову. – Моя прапрабабушка уговорила начать работы на реке. Поставить пристани. И сторожевые дома, чтоб, стало быть, купцы могли отдохнуть. Она наладила поставки зерна и мяса.

– В счет дани, – вновь уточнил Ксандр.

– Сначала. Но потом в горах обнаружили золото. Да и до того... оказалось, что шкуры темных тварей и зубы их, и кости, и все-то – это можно продавать.

А в замке к тому времени подобного добра набрались полные подвалы.

Я так думаю.

Если столетиями охотиться на порождений тьмы, то что-то да и соберется.

– Следом подтянулся Гихар, – Ричард ткнул в другую сторону. – Небольшое королевство. Они постоянно воюют.

– С кем?

– С кочевниками.

Здесь не было лесов и полей, но лишь сизые степи, по которым летали табуны лошадей.

– У Гихара лучшие коневоды. И лучшие лошади.

– Мошенники и кровопийцы, – Ксандр скривился.

– Мой прадед, сын прапрадеда и лакхемской девы, сумел заключить договор. Он помог гихарцам справиться с кочевниками, а взамен получил лошадей. Таких лошадей, которые были способны здесь выжить.

Ричард посмотрел на меня виновато.

Кажется, местные лошадки несколько отличаются от привычных мне.

– Последними к торговле подтянулись Острова...

Тычок и за горами протягивается синее-синее море, в котором разбросан мелкий бисер островов. Между ними шныряют лодчонки, а вот огромных белоснежных кораблей здесь нет.

– Пираты и разбойники, – проворчал Ксандр.

– Они сохранили древнюю силу, – Ричард глядел на острова задумчиво. – И научились говорить с морем.

– И потому весь флот Лакхема бессилен перед этим отребьем.

– Они давно уже занимаются тем, что разводят белую рыбу в подземных пещерах, а еще растят ракушки, из раковин которых добывают особую краску. Они питаются морским зерном. И редко покидают родные Острова.

Вот начинаю подозревать, зачем мне все это рассказывают.

– А это Виросса, – Ричард коснулся последнего мертвого участка карты. – Земли Севера. Суровый край, где царит холод. И живут люди, называющие себя детьми богов. Мой предок ходил их воевать. Но не слишком неудачно.

Ричард почесал кончик носа.

– Он потерял весь легион и сам едва не погиб. Но оставил запись, что девы Севера сохранили исконную силу. И взял себе одну в жены.

– И ты хочешь...

– Жениться, – терпеливо повторил Ричард. – На какой-нибудь принцессе...

Вот ведь...

А запросы растут, что говорится, не по дням, а по часам. И вот по щелчку пальцев просто девица благородного происхождения превращается в принцессу.

– А они там вообще есть? – поинтересовалась я, облизывая пальцы. Пахлава оказалась на диво вкусной. Особенно эта вот миндальный горьковатый привкус удался.

И сладкая.

И острая.

Только Ксандр провожает каждый кусок задумчивым взглядом. Жалко, что ли? Сам вон не ест почти. Может, мертвым оно и не надо?

– Есть, – вздохнул Ричард печально так и потупился. – Много. К сожалению.

– Почему «к сожалению»?

Мужская логика определенно осознанию не поддавалась.

– Потому что выбрать сложно.

А... тогда да.

Выбор – дело такое.

– Разберемся! – пообещала я, погладив живот.

В конце концов, подумаешь, задача... принцессу добыть. Антонина Егоровна, чай, и посложнее задачи решала. А я уж сколько лет при ней.

Так что справлюсь.

Как-нибудь.

Глава 7

О сложностях выбора

«Воскликнула тогда прекрасная дева: О, ужаснейший, что хочешь со мной сотвори! Подвергни меня мучениям и издевательствам, обрати гнев свой на плоть мою, изглумись над добродетелью, но никогда-то душа моя не окажется во власти твоей!»

«Повествование о жизни благочестивой девы Эуханты Бродийской, силой молитвы своей и верою одолевшей сорок и четырех демонов, писанное монахом-аскетом».

Портреты принцесс Ричард... купил.

Точнее поручил покупку доверенному человеку, который уж и расстарался. Опыт у него был, пусть даже в прежние разы подыскивал он вовсе не невест, но, как сам сказал, невелика разница. И вот в зал внесли шкатулки с миниатюрами.

Пять.

Наверное, хорошо, когда есть выбор. И Ричард честно пытался его сделать сам, сперва вглядываясь в лица, пытаясь понять по ним, какова эта принцесса на самом-то деле. Получалось не ахти. Потом вовсе закрывал шкатулки, менял местами, присваивал номера, кидал кости, но каждый раз испытывал преогромное разочарование.

И не покидало чувство, что он совершает ошибку.

Демоница сыто икнула и погладила живот, который проглядывал по-над штанами тонкой полоской кожи. Кожа была белой. А в книгах писали, что все-то демоны краснокожие, а порой и вовсе черные, ибо в мире Хаоса солнце весьма зло.

Ошибались?

Ксандр покашлял, помогая выйти из задумчивости.

– И-извините, – сказал Ричард несколько поспешно и подвинул к демонице первую шкатулку. Он даже знал, чей портрет внутри, ибо успел изучить и портреты, и шкатулки, которые только с виду казались одинаковыми.

Демоница откинула крышку.

Вытащила кругляш миниатюры и уставилась на изображение с видом премрачным.

– Знаешь...

Намалеванная девица была слегка косоглаза, и Ричард надеялся, что причиной тому косорукость живописца, а не природный дефект потенциальной супруги. Нос у нее был круглым, как и щеки, и сама-то она целиком, хотя на портрете девица представала лишь частично, но наличие определенных округлостей можно было оценить.

С куда большей старательностью живописец намалевал платье и драгоценности.¹

---

¹ На самом деле до определенного момента сходство человека с портретом было весьма условным. И куда большее внимание живописцы уделяли именно наряду и драгоценностям, как признакам статуса человека.

Платье было пышным, как и прическа дамы.

– Летиция Ладхемская, – пояснил Ричард. – Тут и сестра её есть, младшая.

Он сам вытащил портрет и положил рядом.

– Близняшка? – уточнила демоница.

– Нет. У них разница три года.

– А выглядит, как близняшка. Даже косоглазие... хотя это, может, семейное. Если и вправду обе косые, то брать не рекомендую. Возможно, признак наследуется, а на кой тебе косоглазые дети?

Ксандр вновь кашлянул.

И сказал:

– Это не они косят, а руки кому-то отбить надо. На самом деле обе девы славятся своею красотой. Летиции исполнилось двадцать один. Ариции – восемнадцать.

– И еще не замужем? – демоница поменяла портреты местами и сказала: – Никакой разницы.

Это да, сам Ричард тоже долго и с каким-то упоительным интересом выискивал различия, но не нашел. Он даже подписал портреты. С обратной стороны. Чтоб не перепутать ненароком.

– Старшая должна была сочетаться с Аквином Ирнейским, наследником Ирнейского царства, но тот умер.

– Какая неприятность.

– Я тут не при чем! – поспешил заверить Ричард.

– Он тут не при чем, – подтвердил Ксандр. – Ирнеец сам

напился в борделе и полез в драку, ну, голову, конечно, и проломили. Они там тоже не знали, что принц. Расстроились потом.

– В общем, повезло девочке.

– Повезло? – Ксандр явно удивился.

– У него свадьба на носу, а он по борделям шарится непонятным. Так что, повезло. Ты, – демоница повернулась к Ричарду. – В бордель не собираешься?

Тот поспешно помотал головой.

– У нас их нет, – пояснил Ксандр.

– Совсем?

– А для кого? Ричард так обходится...

– Легионами смерти? – не удержалась демоница, вот ведь, правду говорят, зловердые они создания. Ричард понял, что покраснел и так густо-густо.

– Содержит пару фавориток, – Ксандр позволил себе улыбку. – Из числа девиц... подходящих.

Вот ведь! А еще друг называется! И главное, говорит так, с насмешечкою, будто не он этих девиц подыскивал.

– Так на них и женился бы, – демоница вновь поменяла портреты местами. – Что? Вы уже знакомы. И друг друга удовлетворяете, надо полагать.

Ричард подавился слюной.

– В смысле, как жизненные партнеры. Ты знаешь её или их там, а они – тебя. Всяко лучше, чем какая-то там принцесса с потенциальным косоглазием.

– Никак невозможно, – Ксандр покачал головой.

А Ричард добавил.

– Последняя дама отбыла неделю тому. Она... изъявила желание вернуться домой. И я не счел возможным задерживать.

– У нее и капли дара не было, – Ксандр сел на стол. – А что до принцесс, то про обеих говорят... много разного, нравы в Ладхеме довольно свободные, так что не уверен, что Летиция Ладхемская не стала бы достойной парой покойному жениху.

Сперва Ричард не понял, ибо порой старый друг изволил выражаться совсем уж витиевато. А потом все-таки понял и... и кажется, сильнее покраснеть уже невозможно.

– Вот, и моральный облик сомнителен, – закивала девица.

– Но они одарены. Здесь сомнений нет. Хотя, сколь знаю, ирнейцы все еще желают породниться. Правда, младший брат покойного уже немножечко женат, но то ли они пытаются его развод устроить, то ли ищут еще кого из родни, но пока не нашли тех, кто устроил бы Ладхем. Так что шанс есть.

Следующий портрет отличался той размытостью, которая оставляла немалый простор для воображения. В принципе было ясно, что потенциальная супруга темноволоса и смуглокожа, а еще любит красные одеяния.

И все.

– Теттенике, единственная дочь кагана Ушайя, Сотрясате-

ля Степи и Великого Мудреца, – пояснил Ричард. А Ксандр добавил:

– У степняков не принято писать портреты.

– Я вижу, – демоница покрутила его и отложила в сторону. – И что о ней известно?

– Ей девятнадцать. Скоро исполнится. По старому обычаю её отец устроит большой пир, и будет приветствовать славных богатырей. А те станут мериться силой. Кто победит, тот и женится на прекрасной Теттенике.

Ричард почесал шею.

Была у него мысль отправиться в степи и там всех одолеть, а потом уже жениться. По праву силы и обычаю. Но, во-первых, Ксандр подобную выходку точно не одобрил бы. Во-вторых... вот как понять, прекрасная она или не совсем? Там-то, в степи, если что, уже и не откажешься.

Победил?

Женись.

И легионы не спасут.

– Мудрослава Виросская, – третий портрет был писан в бело-синих тонах и изображал девицу с настолько тоскливым выражением лица, что при одном взгляде на него становилось ясно: замуж она хочет не больше, чем сам Ричард – жениться. – Двадцать два года. Вдова.

– И вдова сойдет?

– Она замужем была неделю. Да и то... супруг, скажем так, не выдержал свадебных гуляний и скончался.

– Я тут не при чем! – добавил Ричард. – Совершенно.

– Там возник прецедент. С одной стороны, Мудрослава вышла замуж по воле царственного собрата, который весьма хотел присоединить к своим землям Урганское княжество, а с другой, в этом самом княжестве ей не особо рады. Содержать двор дорого, но ссориться с Вироссой еще дороже.

– В общем, буду рады сбыть с рук? – демоница поглядела на портрет почти с нежностью. – Бедная девочка...

Почему она полагала сестру Виросского государя, известного своим богатством, бедной, Ричард не понял. Но кивнул. С демонами не стоит спорить, особенно по пустякам.

И вытащил последний портрет:

– Брунгильда Островная. Дочь славного конунга Торвальда Рваное ухо.

Даже на портрете дама гляделась... внушительной.

Честно говоря, именно эта её внушительность и смущала. И немного – боевая секира, ласково приткнувшаяся к девичьему плечу.

– Весьма серьезная особа, – согласился Ксандр, подхватив портрет. – И скажу, что здесь рисовали тщательно. Оно и понятно. С нее станется за нетщательность руки отрубить.

Ричард сглотнул.

А вот демоница посмотрела этак, презадумчиво.

– Знаешь, – сказала она. – Это ведь хорошо, когда у су-пругов там общие интересы будут. Устремления. Она будет руки рубить, ты кишки выпускать. Репутация ваша подни-

мется на недостижимую высоту!

– Нет! – прозвучало, пожалуй, чересчур резко и щеки вновь полыхнули жаром. Да что ж это такое-то... Ричард ненавидел себя за эту слишком светлую кожу и привычку краснеть по любому поводу.

А шлем в подвале остался.

– Я, – Ричард решительно отодвинул портрет. – Сам как-нибудь справлюсь. И с руками, и с кишками, и... вообще! Это уже древность! Устарело! Понимаете?

– Началось, – Ксандр закатил очи к потолку.

А вот демоница слушала и превнимательно, вон, даже щеку рукой подперла и на Ричарда смотрела ласково-преласково.

– Руки, кишки... ладно, я там погорячился слегка, но в остальном... мы ведь не чудовища! Там считают, что я младенцев на завтрак ем!

– А ты не ешь?

– Нет, конечно! Только кому это докажешь...

– Глупые люди, – согласился Ксандр. – Что там есть-то в том младенце...

– Он тоже не ест! Он... он вообще вегетарианец.

– И давно?

– Как умер, – Ксандр присел. – На самом деле я вообще не нуждаюсь в пище, ибо тело поддерживают алхимические смеси. Более того, определенные процессы, весьма естественные для живых, в моем нынешнем состоянии невоз-

можны.

– Он мясо переварить не способен. И кровь, – Ричард упал на стул. – Но там... там считают, что Ксандр пожирает невинных девиц. И младенцев. И гордых юношей.

– Если б я столько жрал, как о том говорят, я бы давно уже в дверь не пролазил бы. Кровь мне, конечно, нужна. Она является главной компонентой многих растворов, но я за неё плачу. И, поверьте, весьма неплохо.

– Ага, – только и сказала демоница. – То есть... репутация у вас... не самая лучшая, так? Но вам это надоело и вы бы хотели... провести ребрендинг?

– Что? – такого ругательства Ричард еще не слышал.

И Ксандр, судя по заинтересованному выражению лица, тоже.

– Ребрендинг, – повторила демоница. – Это когда бренд меняется. Или, в вашем случае, нужно изменить общественное отношение... восприятие вас миром. Так?

Ксандр с Ричардом переглянулись.

– А это... не больно? – уточнил Ричард.

– Ну... – демоница поскребла ухо. – Как пойдет... но я постараюсь!

Улыбка у нее была на диво предвкушающей. И это пугало, пожалуй, больше чем необходимость жениться.

Надобно сказать, что в прошлой своей жизни – а я уже почти поверила, что она вправду была прошлой, ибо теперь

представлялась на диво далекою – я была не просто так личным помощником. Я была личным помощником Антонины свет Егоровны. А она в свою очередь занималась пиаром.

Точнее образы творила.

Это она так любила называть. Еще повторяла:

– Главное, чтобы костюмчик сидел.

Костюмчики она и подбирала. Большею частью для политиков, которые по-за ради Антонины Егоровны и не стеснялись приезжать в захолустный наш городишко.

Специалистом она была...

В общем, была.

Специалистом.

А я вот не совсем чтобы. С другой стороны, что-то мне подсказывало, что сей мир еще не познал всей мощи политического пиара. И это заставляло прямо-таки ерзать от нетерпения.

Это и зуд в копчике.

Зуд появился сразу после ужина, и такой вот надоедливый, прямо тянуло почесаться. Но на меня смотрели, а скрести копчик, когда на тебя так пристально смотрят, право слово, неудобно. Я поерзала на стуле и попыталась вспомнить, с чего вообще начинают.

Костюмчик.

Костюмчик нужен обязательно, причем такой... вот Антонина Егоровна костюмы подбирала на раз. И как-то так, что садились они нужным образом.

Не хорошо, нет.

Нужным образом.

Помнится, был у нас в клиентах некий Николай Селиванов, который то ли в мэры шел, то ли в депутаты. Главное, образ у него был народно-правдорубческий. И Антонина Егоровна вытряхнула его из итальянских костюмчиков, запихнув в дрянной, кособокенький пиджачишко. Стрижку поправила.

Очки сменила.

В общем, сделала, что называется, ближе к народу, несмотря на вялое сопротивление.

А другого, так наоборот. И... и дар у нее был. Я училась, честно, пыталась. Но выходит, что недоучилась, потому как глядела на конопатую физию Повелителя Тьмы и Повергателя Чудовищ, пытаюсь сообразить, в какой образ он впишется, и не соображала.

Только копчик зудел все сильнее.

И писанные красавицы молчаливо взирали с портретов. Так, если не знаешь, с чего начать, нужно начать с чего-нибудь. Точно.

Я взяла портрет в руки, правда, не очень понимаю, чей.

– Нужно их пригласить! – мысль пришла в голову и в ней застряла. Я сунула палец в ухо и поскреблась. Но до мысли палец не добрался, верно, застряла та уж очень крепко. Тем более, чем больше я думала, тем более здоровой она смотрелась.

С мыслями такое вообще бывает.

– Кого? – уточнил Ричард, все еще поглядывая на меня с подозрением.

– Невест. Потенциальных.

Ишь, вздрогнул.

Это ему не чудовищ гонять, невеста – это куда серьезнее любого чудовища.

– Сам посуди. Нельзя выбрать жену по портрету.

– Почему? – удивился Ксандр. – Во времена моей... жизни именно так и делали. И портреты, прошу заметить, были не чета нынешним. Хорошо, если хотя бы цвет волос верно передавали.

Он задумался и погрузился. Кажется, у его жены цвет волос не совпадал с портретным.

– Это в прошлом, – отмахнулась я.

Как там Антонина Егоровна говаривала? На самом деле клиент понятия не имеет, чего ему для счастья надо, даже если думает, что имеет. И наша святая задача – открыть ему, неразумному, глаза.

Научить.

Помочь.

Уберечь от ошибок.

– И вообще... ладно, если она просто косоглазая!

– Да не косоглазые они, – Ксандр вытащил нужные портреты и не слишком уверенно повторил. – Это живописец такой...

– Косоглазый?

– Косорукий.

– А вы уверены? – я прищурилась. – Нет? Так стоит ли рисковать?! Не лучше ли пригласить девушек... скажем, провести несколько дней в тихом уединенном месте. Встретиться с каждой, побеседовать и тогда уже решить, кто вам подходит. А то и вправду. Косоглазие – это еще не самое страшное.

– А что самое? – Ричарду определенно идея понравилась, в отличие от самой мысли о женитьбе.

– Понятия не имею. Но... допустим, вот она истеричкой окажется. И станет скандалы закатывать по любому поводу. Или... или от нее воняет так, что рядом находиться невозможно. Или глупа, как пробка.

– В этом что-то есть, – Ксандр задумался. – А то и вправду... помнится, моя первая супруга... в общем, не важно. Но взглянуть на девушек и вправду стоит. Но примут ли они приглашение?

Стало тихо.

– Можно самим к ним съездить, – тихонько предложил Ричард.

– Долго, – возразила я.

Подозреваю, что нет у них тут ни трасс скоростных, ни самолетов, ни прочих благ цивилизации. А трястись пару недель в карете, чтоб взглянуть на одну невесту, потом вернуться обратно, поехать ко второй... тем более, пока ко всем

ездить будешь кто-то или помрет, или заболеет, или замуж выйдет.

Эти аргументы я и озвучила.

— А ты говорил, зачем нам демоница! — Ричард определенно воспрял духом. — Видишь, как хорошо придумала, только... и вправду, согласятся ли приехать?

— Так... — я задумалась и зуд почти стих. — Надо им письмо написать. Аргументированное.

Глава 8

В которой письмо доходит до адресата

«Государю надлежит быть великим, дабы величием своим внушать трепет и восхищение в сердцах подданных. И для того-то следует помнить, что все-то в жизни государя истинного направлено на поддержание сего величия...»

«Размышления о сути государя и поддержании государственности в державе». Трактат-размышление, писанный студиозусом Ковалем по заданию наставника, и исполненный с высочайшим рвением.

Его величество Вециан Третий, Светлой силой владыка Лакхема, а также Тасора и Никойских островов, Благословенный сын Пресветлого бога, Воитель и Стяжатель благ земных, пытался отрешиться от ноющей боли.

Болела спина.

И еще немного колено, на которое придворный лекарь возложил примочку из драгоценного бархата. От примочки воняло сточной канавой, но она хотя бы облегчение приносила.

Временное.

Скрипнул паркет, и Вециан обернулся.

Супруга.

Женщина во всех смыслах достойная, а, главное, понятливая. Повезло ему когда-то, а ведь не хотел брать в жены княжну, благо, батюшка уговорил. Подумаешь, с лица не больно хороша, зато сила.

Род.

Состояние.

Состояние стало особо весомым аргументом, и те две-сти тысяч золотых лакхемов изрядно поправили ситуацию. Жаль, закончились. А что поделаешь? Быть королем непросто.

– Дорогой супруг, – Матильда присела в придворном книксене. И высокий парик, из которого торчали страусовые перья, качнулся. Перья тоже качнулись, засияв в свете свечей.

Новая мода.

Алмазная пыль. И перья, и пыль стоили дорого, а уж если вместе... заныли и зубы. Дражайшая Флорочка, весьма милая особа, к которой Вециан изволил проявить внимание, намекнула, что весьма желала бы получить подарок.

Эти самые перья.

А в казне пусто. Совсем пусто. Даже тоска с этой пустоты берет такая, что колет не только в спине, но и в груди.

– Счастлив видеть вас, – проскрипел Вециан, указав на кресло. – Идите.

Это уже лекарю, что замер, явно прислушиваясь к каждо-

му слову. И поднялся-то он неохотно, начал что-то там говорить, что, мол, нужно за примочкой приглядывать, что...

– Идите, – повторила королева и таким тоном, что лекарь враз куда-то подевался, а с ним и помощники, и даже лакей, державший поднос со сладостями. Во дворце норв Матильды знали преотлично. И она, поправив шелковые юбки, убедившись, что никто-то не слушает, шагнула к мужу.

Длинные смуглые пальцы – а ведь сколько уж лет их пытаются отбелить – вцепились в ухо и крутанули.

– Ай! – возмущенно взвизгнули Его королевское Величество, но вырываться не стали. Пальцы у Матильды, даром, что смуглые, но цепкие весьма. – Ты чего?

– А ты чего? Совсем страх потерял? – поинтересовалась она сварливо.

И сразу стало понятно, что вот она, купеческая дочь.

Даром, что Ришьенам еще дед Вециана титул жаловал вместе с подходящею супругой из старого, но оскудевшего рода. За полста лет аристократизму не прибудет. Как были торговцами, так и остались, но...

...задолжал он им прилично.

И вновь просить придется.

– Эта девка в глаза мне заявила, что мои перья не так и хороши, что ее всяко лучше будут.

– Это Флора? – Вециан поморщился.

Надо же, какая дура... а милой казалась.

– Она самая, – Матильда ухо отпустила и сползшую было

примочку поправила. – Все не успокоишься никак?

– Мотечка...

– Что «Мотечка»? Сколько уж я лет Мотечка... совесть имел бы... не нагулялся еще? Нога вон болит, небось. И спина. И хранитель стула вновь жаловался, что облегчение у тебя тяжело наступает.

– Лекарь...

– Лизоблюд, – Мотечка ногу ощупала. – Чей-то родственничек. Я другого приведу, может, не при чинах, а батюшку пользует. Батюшка дурного не посоветует.

– Как он?

– Обыкновенно. Ругается. Девку эту гони, может, она и мила, но дура редкостная.

– Погоню.

– И чтоб никаких перьев... вона, колечко там пожалуй, какое. Или цепку. Могу прислать, которые не особо нужны. Тканей отрез. И буде с них. А то и вовсе...

Он бы и сам не отказался, чтобы «вовсе». Девицы стали откровенно утомлять, особенно молодым пылом, который всякая норовила проявить. И все чаще Вециан ловил себя на мысли, что совершенно не хочется ему уединения с фавориткою.

А хочется тихо гулять.

Беседовать.

Беседовать с девицами получалось плохо. Они то хихикали, то жеманились, то говорили какие-то вовсе уж глупости.

То ли дело Мотечка, только вот...

— Репутация, — вздохнул он тяжело и прижался щекой к холодной ладони. Руки у Мотечки были совсем не королевскими, широкими и холодными, но такими ласковыми, как ни у одной фаворитки. Вециан и прикрыл глаза. — Сама знаешь, слухи пойдут... возня эта. Как же я устал.

— Бестолочь, — с нежностью произнесла Матильда.

— Какой уж есть. Так ты из-за этой девки расстроилась?

— Не особо. За нею де Вилье стоят. Те уж вознамерились на концессии.

Вециан поморщился. А ведь было время, когда он девицам сам по себе нравился, без страусовых перьев и концессий родственничкам.

— Ирнейцы тут посла послали.

— Это правильно, — боль в ноге отступала, да и спина подуспокоилась. — Послов надо посылать.

Матильда фыркнула, верно, соглашаясь с мужем.

Никогда-то за двадцать лет брака она ни спорила, ни закатывала прилюдных скандалов и вела себя так, что... что повезло.

Прав был отец.

И ныне Вециан был благодарен ему за эту правоту. А что вида не княжеского и за спинами шепчутся, мол, худородная, так тот шепоток он еще когда заткнул, самых рьяных шептунов спровадивши границы родины крепить.

— Хотят-то чего? — не открывая глаз, поинтересовался он.

– Денег. Приданое не устраивает.

– С чего вдруг? Устраивало же.

– Так к ним вестийцы послали.

– Послов?

– Именно. У них тоже принцесса имеется.

– Ей же двенадцать только!

– Кого это волнует, – Матильда сняла примочку и осторожно помяла колено. – Коновал. Ныне же чтоб в своих по-
коях один был. Ясно? Приведу нормального целителя.

– Не сердись.

– Я не сержусь. Вестийцы за своей дают полоторы сотни
золотых дархемов и еще право беспошлинного прохода че-
рез Громовой перевал.

Тогда понятно, отчего ирнейцы вопрос с оглашением по-
молвки всячески затягивали. Небось, переговоры шли. Шли,
шли и пришли... деньги? Денег, конечно, нет, но ради союза
можно бы поискать. Дед вот Леточки всегда готов помочь.
Внучку он любит.

Внучек.

И расстроится. Но с перевалом... с перевалом золоту не
тягаться.

– Заговорили, что боги против союза.

– Разрывают?

– Именно.

– Что можем сделать? – уточнил Вециан, ногу опуская.

– По сути – ничего, даже если возражать станем, не по-

слушают.

Оно и понятно.

Архейские горы и перевал, единственный путь к богатым вестийским землям. И зная о том, пошлину они брали изрядную.

– И с чего вдруг вестийцам оно понадобилось?

– Политик, – Матильда задрала юбки и поправила съехавший чулок. – Думаю, собираются присоединить Ирнею. Та-то мелкая, но кое-что в ней есть. Пускай себе... девочка расстроится. Сперва жених помер, потом сбежал. Пусть и не совсем, чтобы жених, но все одно слухи пойдут.

Это точно.

И главное, вновь же, ничего-то с этими слухами и не сделаешь.

– Турнир надо объявить, – предложил Вециан. – Рыцарский. В честь прекрасной дамы. Поднимет настроение.

– И во что обойдется?

– Обойдется. Но ежели на благое дело. Приглашения правильно разослать, созвать людей нужных... знаешь, а ведь виросский царь тоже не женат.

– Дикари.

– Но состоятельные. И... ладно, если не царь, но у него, помнится, братец есть, что характерно, тоже холостой. И посол их на что-то этакое намекал.

Матильда поморщилась. Идея явно не казалась ей удачной.

– Брось. Пригласи его. Пообщаться... и турнир этот... пусть пришлют кого. Девочки посмотрят. В конце концов, ежели не за наследника идти, то всегда можно договориться. Выделим им герцогство какое на прожитие. И пускай себе остаются. А тут ты любого дикаря перевоспитаешь.

Он и ручку жене поцеловал, зная, что до сих пор этот простой знак внимания заставляет ее смущаться. Впалые щеки Матильды порозовели.

А ведь она не пудрится.

И мушек не клеит.

Парик вот носит, но не из-за мод, скорее уж потому, что собственные её волосы никогда-то густотой не отличались. Он это знает, но... почему-то ни знание, ни собственная нехорошесть жены не мешали.

Стук в дверь отвлек от ленивых мыслей.

– Государыня! – нервный голосок секретаря, которого давно уж хотелось спровадить на плаху, с того самого дня, как пошел слух, что он слишком уж близок стал Мотечке, разрушил очарование момента. – Государыня! Срочные новости!

Войти, правда, не посмел.

Пока не разрешили.

– Государыня!

– Давай уже, – вздохнула Матильда, расправляя юбки и вид принимая, королеве приличествующий, горделивый и одухотворенный.

А тоже надоело ведь. И это Вециан понял ясно.

Секретарь вошел бочком. Высокий. Стройный. Широкоплечий. И платье на нем сидит идеально, подчеркивая, что стройность, что широкоплечесть.

Лицо смазливое, приятное. И взгляд наглый донельзя.

Точно на плаху просится.

– Вот, государыня, – он поклонился и протянул поднос, на котором лежал квадрат письма. Обыкновенный такой. Бельенский. И красное сургучное пятно выделяется. А на нем – это Вециан увидел, даже с места не поднимаясь, – скалит зубы череп.

Выдавленный, само собой.

А вокруг вязь мечей.

И похолодело вдруг в груди, и мелкими разом показались все прошлые заботы.

– Это...

– Принес. Гонец. Ворон, – уточнил секретарь, а Вециан с удовольствием отметил, что не так уж он и совершенен. Вона, весь трясется, дрожит, что хвост собачий. И бледность пудрою не скрыть. – Бросил на стол. И каркнул. Три раза.

– Это что-то значит? – взгляд Матильды обратился к супругу.

– Понятия не имею, – признался тот и руку протянул. Мотечка подала письмо. А ведь интересно, отчего ей принесли-то? И где министры? Хотя... ясное дело, где. Бездельничают, сволочи.

Вециан поморщился. Что бы там ни было, придется совет созывать.

Может, к войне готовиться.

Война – это дорого. Страусовые перья, даже алмазной пылью припорошенные, всяко дешевле.

– Иди, – велела супруга и секретарь послушно выскользнул за дверь. А цепкие пальцы вытащили конверт, от которого пахло почему-то не тьмой, а лавандовым маслом. Мотечка сломала печать, развернула.

Прочла.

Хмыкнула.

И сказала:

– Манеры у него, конечно, специфические, но само по себе предложение интересное.

И протянула послание Вециану.

Ровные строки. Почерк округлый, с завитушками, как у девицы. Однако читается легко.

«Я, милостью Богов, Повелитель Тьмы и Проклятых земель, Повергатель Хаоса и Хранитель порядка, одолевший сонмы тварей демонических, Ричард III из рода Архаг, приветствую своего царственного собрата».

Нормальные манеры.

Вежливый даже.

«И желаю видеть его дочерей в своем Замке».

Серьезно?

«Ибо настал час вступить в тяжкие узы брака».

Вот тут Вециан мысленно согласился, даже посочувствовал. Он в эти узы тоже вступал с печалью на сердце. Но ему-то повезло. А мальчик, небось, молодой, вот и опасается.

«А посему, в громовой месяц я соберу всех девиц, достойных того, дабы среди них выбрать ту, которая разделит со мною престол и венец Владычицы Тьмы».

Интересный поворот.

Неожиданный.

«А если оные девицы не явятся к назначенному сроку, я пройду сквозь горы, дабы самому предстать пред ними».

И ведь не один пройдет.

Повелитель Тьмы как-то никогда один сквозь горы не проходил, обычно прихватывал с собою пару-тройку Легионов Смерти и чудовищ. С чудовищами ходить по горам было проще.

– Что ж... – Вециан прочел письмо еще раз. – С манерами и вправду не очень... но в целом, очень интересный вариант.

Главное, чтоб вестийцы не прознали.

А то с них станется все переиграть.

Глава 9

Где прибывают гонцы и жизнь меняется, но не факт, что к лучшему

«Что надлежит знать о темных магах, так это, что они все суть от сути тьмы, и тем человеку, свету преданному, внушают лишь омерзение. Меж тем сами они, будучи лишены души, ищут другой, светом напоенной. И особо – юных дев непорочных. Ибо кровь их и непорочность обладают силой, коия и способна вознесть любого мага, особенно темного, на небывалые высоты»

«О сути истинной мерзопакостных магов тьмы и их приспешников, а тако же о семи способах устоять пред проклятым их очарованием, не сбившись с пути света». Труд, писанный Старшим Жрецом Сестер Светлых и Охранителем мира с тем, дабы наставить люд обычный на путь правды.

Мудрослава Виросская смотрела в окно.

Больше заняться было нечем. По мутному стеклу ползла муха. Толстая. Вверх. И вниз. Потом на раму, в которой виднелись щели, правда, не столь большие, чтобы муху вместить.

За окном светило солнце.

Яркое.

Копались в пыли куры. Дворовый кот разлегся на лавке, счастливо жмурясь. Откуда-то издалека доносилась вялая ругань мужиков. Пахло переходившим тестом и пылью.

Снова пылью.

Девка, приставленная к Мудрославе, провалилась в полудрему, и рот её приоткрылся. Время от времени девка всхрипывала и становилось совсем уж тоскливо.

Вырваться бы.

Сбежать.

Душа требовала движения, а вместо этого только и оставалась, что шелковая тряпка да нитки. Рисунок неоконченный, который продолжать не было ни сил, ни желание. Письмо брату. Очередное.

И снова молчание.

Или гонец, который привезет скромные подарки «дорогой сестре», а еще денег. Немного. Их едва хватит, чтобы купить дрова для печи, муки да молока. Поправить крышу. Или, может, подновить сам домишко? Покосившийся, убогий. И в глазах гонца будет читаться удивление, с презрением смешанное.

А разве она виновата?

В чем?

В том ли, что была покорна воле брата, как заповедано? В том ли, что жених её, который, признаться, впечатление не произвел совершенно, оказался слаб? В том ли, что дворцо-

вые целители не сумели спасти его? Да и смерть эта...

Она покачала головой и подняла шелка.

Шить?

Не шить?

Разбудить девку и прогуляться? До забора и, может, даже за ворота? К пруду, который тихо зарастал тиной, отчего становилось вовсе уж тоскливо, ибо подобен он был её собственной жизни.

Остаться?

Или наведаться в гости? К дорогому родичу, который на Мудрославу поглядывал с раздражением, не понимая, что с нею делать-то.

И домой бы её отправить, да невозможно. Как же... жена брата, пусть и не состоявшаяся.

Она почти заплакала, но вовремя остановилась. Встала. И скрип лавки, которая медленно рассыхалась, как и все-то в этом домишке, разбудил девку. Та вскочила, заполошенно взметнула руками, опрокидывая корзинку с рукоделием.

Подарок брата.

Золотые нити.

Серебряные. Бусины драгоценные. Бусины продать можно, если тишком. Но страшно. Вдруг да узнают? И брат оскорбится, и слух пойдет, что совсем она, Мудрослава, оскудела. Вот и приходится золотом шить да пустою кашей давиться.

– Гулять, – сказала Мудрослава решительно, ибо сидеть в

доме совсем невмочь сделалось.

– Гулять, – потянула девка, не скрывая недовольства. – Так куда, матушка? Парит вона, и солнце печется. Личико-то напечеть. И шею еще. Взопрете.

Идти девице никуда не хотелось. И Мудрослава почти поддалась на уговоры, но все одно упрямо мотнула головой.

– Идем.

И не дожидаясь ответа, раздраженная ноющим этим голосом, вышла в сени. Оттуда и на улицу. Солнце и вправду пекло нещадно. Сразу сделалось душно, жарко и появилось желание вернуться. Но Мудрослава, подхватив юбки, решительным шагом двинулась к воротам.

– Доброго дня, матушка, – поприветствовал её Игнатка.

И склонился.

И шапку с головы снял, да все одно не виделось в его фигуре должного почтения. И какое почтение? Все-то знают, что никому-то она, Мудрослава, не нужна, даже собственному брату, коль сослал её в этакое захолустье. А стало быть, и считаться с нею нужды нет.

Она стиснула зубы.

Игнатка поспешно отворил калиточку малую, пропуская Мудрославу, и та сделала было шаг, да только мало что сбитой с ног не оказалась. В юбки врезался вихрастый мальчонка.

– Едут! – запыхавшись, крикнул он. – Едут!

– Стой, оглашенный! – Игнатка споро схватил мальчонку

за ворот рубахи и тряхнул, этак, легонечко, почти что любя. – Хто едя?

– Дык... – мальчонка вытер нос рукавом. – Послы едутъ!

– Чьи, – Мудрослава вдруг ощутила немалую дрожь в руках, но сумела совладать с собой.

Послы.

За ней?

Брат... вспомнил? Или нет, не так. Он никогда-то не забывал. Просто нужды в ней, в Мудрославе, не было. А теперь вот появилась?

– Так... виросские! – мальчонка висел тихонечко, не делая попыток вырваться, разве что глядел этак с удивлением. – Вашия, матушка...

– Послы, – Мудрослава вытянула шею, но дорога, ведущая к поместью, была пуста.

– Так это... они же ж трактом... спервашечки к князю, значит, а я скореньки и напрямки. Упредить. Как мамка велела.

– Молодец, – Мудрослава протянула бусину, которую крутила в пальцах. Сама и не заметила, как прихватила её с собой. Что за камень? Нефрит? Фируза? Не важно. – Возьми.

Брат гонцов награждает перстнями да шапками, иным и шубы достаются, когда новость уж больно хороша. А у нее только и есть, что эти бусины рукодельные.

Но мальчишка схватил и спешно за щеку сунул.

– Благодарствуй...

Дальше Мудрослава не слышала. Она развернулась и спешно, пожалуй, даже чересчур уж спешно, изо всех сил стараясь не срываться на бег.

Послы...

Что-то произошло. Определенно. И... и может, конечно, статься, что послы эти не к ней прибыли, что брату понадобился князь, однако сердце вскачъ несло.

– Скорей! – велела Мудрослава сонной девке. – Воду неси-те.

– Дык, нагреть не успеем, – пытаюсь совладать с зевком, возразила та.

– Холодную несите. Платье чистое... то, которое красное.

– Матушка! – взмолилась девка. – Оно же ж в сундуках. И неместно вам красное.

Ну да, она же вдова. Честная. Да только из вдовьих нарядов у ней это, нынешнее платье, и...

– Второе доставай. И почисти хорошенько, – решила Мудрослава. – То, которое из адамаску. Да неси шкатулку.

Украшения-то остались, пусть бы и не раз намекала нынешняя княгиня, что ни к чему честной вдове ни бусы яхонтовые, ни жемчуга, ни венец. Что, когда б нашлась Мудрослава подарить это, глядишь, и житье её переменилось бы к лучшему.

Она бы, может, и подарила. Но... гордость мешала.

И обида.

И зависть, что уж тут.

Ныне же, примеряя венчик, украшенный крупным жемчугам да синими камнями, Мудрослава улыбнулась. Впервые, пожалуй, за прошлый год. К ней или нет, но встретит она послов честь по чести.

Первым во двор вошел Древояр. А постарел-то за прошлый год, осунулся. Болен, что ли? Не понять. Лицо темное, морщинами глубокими изрезано. Но глаза все еще яркие. Борода лопатою. Платье богато. Сам ступает неспешно, на посох опираясь. И на вершине его горит силой алатырь-камень.

Знак особого доверия.

Власти.

За ним уж и прочие держатся. Тихомир Жуковский, который и впрямь на жука похож, усача древесного. И в черное обрядился, что в панцирь. Медоуст Звягин, напротив, в золоте, сверкает, что самовар начищенный, да по сторонам головою вертит. Он молод и удивительно, что эдакого, молодого, взяли.

А на лице-то читается удивление.

Не ожидал подобного?

Князя вот нет. Не поехал? Или не велели ехать?

– Доброго дня, матушка, – Древояр поклонился, как должно. И Мудрослава ответила поклоном же. Помнилось, что долго он с братом спорил, выступал против свадьбы её. Только брат – еще тот упрямец.

Но старику она рада.

– И вам доброго, – сама же поднесла ему водицы ледяной колодезной. – Долог был путь ваш?

– Долог, – согласился Древояр, чашу из рук принявши. И осушил в один глоток, отер капли с усов. – Однако боги смилостивились, матушка. И вот мы тут.

– Рада видеть вас.

И выходит, не позабыла она за год о вежливости, о той, иной жизни, в которой приходилось встречать, что послов, что иных гостей.

– А уж я-то как рад, – это Древояр произнес тихо. – Видеть вас, матушка, в добром-то здравии.

И вправду рад.

Это Мудрослава почувствовала. А еще некое смутное беспокойство, тревогу даже. За кого? За нее? Что такого может с нею произойти? Из того, что еще не случилось?

– И государь наш кланяться велел...

В этом Мудрослава изрядно сомневалась.

– А еще письмо вам передать, – Древояр махнул рукой, и вперед выступил Тихомир с резною шкатулочкой. На краях её камня горели, а в центре самом нагнулся, выставив могучие рога, тур.

Знак рода.

Стоило коснуться, и отворилась беззвучно крышка, признав за Мудрославой право заглянуть внутрь.

Свиток?

И с красными печатями. Вот от брата, личная. И от думы... стало быть, и вправду понадобилась.

Мудрослава свиток развернула и прочла.

Нахмурилась.

Прочла еще раз.

Он это серьезно?

Но... разве возможно такое?

– Мне надо подумать, – сказала она, разворачиваясь, испытывая огромное желание немедленно сбежать и... спрятаться. Можно в подпол. Или в бочку с капустой, благо, капусты в ней не осталось, как не осталось и моченых яблок, и много иного. Но вот так...

– Конечно, матушка, – Древояр махнул рукой. – Идите, окажите князю уважение. А я тут... побеседую.

И под руку подхватил. От кого другого подобного обращения Мудрослава не потерпела бы, но Древояр... всегда-то он рядом был. И когда матушка отошла, и когда батюшки не стало. Учил. Успокаивал. Советовал. Наставлял. Вытирал слезы и ругал, не без того. Но всегда-то по делу.

– Вели, чтоб сбитня принесли, что ли, – сказал он, глядя на дворовую девку, которая так и застыла, глаз своих с Медоуста не сводя. И виделось в них та, дурковатая бабья готовность, немедля удариться в любовь. От голоса Древоярова девица вздрогнула.

– Так... немашечки, – сказала она.

– А чего есть?

– Взвар. Травяной.

– Вот его и неси, – Древояр ткнул её посохом в бок, легонько, но напрочь выбивая из головы мечты. И к лучшему. Бояре на дворовых девках не женятся, а вот пользоваться так всегда рады. Ей-то с того ничего не прибудет, а то еще, коль проведает кто про грех этакий, и вовсе со двора погонят.

– Да уж, – Древояр оглядел комнатнушку и покачал головою, темные глаза его налились гневом. – А говорил я, что не будет с этой женитьбы пользы. Но разве ж его переупрямишь?

Мудрослава вздохнула.

Присела на краешек скамьи.

– И теперь, да? Если сама не поеду...

– Оно-то так, – Древояр опустил на лавку, которая тяжело застонала под весом истинного боярина, заставив его нахмуриться еще больше. – Оно-то, конечно, велено уговорить. Да... сама понимаешь, ежели заупрямишься, то все одно поедешь. Ухтомского пошлет.

А тот на разговоры тратить не станет. Кинет в седло и увезет, а там уж братец найдет, чем укорот дать. Вспомнилась тесная келья монастырская, в которой Мудрослава провела неделю перед свадьбою, чтоб, стало быть, подумала о выборе.

И судьбе.

И... рада была. После той кельи замужество избавлением

показалось. А теперь...

– Что ты думаешь? – спросила она и девку, которая взвар принесла, отослала. Правда, та не отошла далеко, небось, подслушивать станет.

Наушничает.

Все-то тут подслушивают, подглядывают, доносят, кто князюшке, кто женушке его, кто братцу. А те, которые половчее, всем и сразу. Древояр тоже понял. Хмыкнул и бороду огладил, а после щелкнул пальцами, воздвигая стену незримую.

– Так-то оно лучше... что я думаю... думаю, что тебе бы в мужском обличье родиться, Славушка. Тогда б мы все беды не знали. Братец-то твой, конечно, силушкою не обделен, но к ней бы ума немножечко. Да сдержанности. Да умения самому думать, без дружней помощи.

Он покачал головою.

– Опасные речи, – сказала Мудрослава, хотя слышать подобное было, безусловно, приятно.

– Так с тобой же ж. Уж ты не донесешь.

– А если донесу?

– Тогда, стало быть, зря жил.

– Так все плохо?

– Не сказать, чтоб уж вовсе плохо. Он ведь не глупый, если так-то. Но горячий уж больно. То в гнев, то в радость. Сперва делает, после думать начинает. И хорошо, когда поправить можно. Давече вон Саржевского едва на плаху не

спровадил. Кто-то там чегой-то донес, а он и рад поверить. У Саржевского норов-то еще тот, неуживчивый... хорошо, хоть сразу не казнил. Стали разбираться, так и вышло, что нет за ним вины, наговор лишь. Святояр-то повинился, замирился, шубу вон кинул горностаеву. И вроде как оно ладно вышло, да... ты ж знаешь, Саржевский не таков, чтобы обиду позабыть.

Мудрослава подавила вздох.

Чудит братец.

А ведь уже двадцать годков сменял, должен был бы в разум войти.

– И дружки его в уши мед льют, он и гораздый слушать.

– Может, еще наладится?

– Думаю. Я-то, грешным делом, отойти от дел собирался.

Старомысла за тебя сватал. Думал, поженитесь, он при думе сядет да при братце твоём. Хороший мужчина. Спокойный.

И крепкий.

На Древояра чем-то похож, разве что моложе будет. Вот лица его Мудрослава не помнила, но сердце сжалось болезненно. Почему так не сложилось? Древояр-то дурного мужа не выбрал бы, такого, который в питье да пиру меры не ведает. И жили бы... у Старомысла терем в Вироссе имеется.

Богатый.

Там, небось, зимою сквозь окна не дует.

– Да твоему братцу напели, что надобно земли соединять, царствие виросское длить. Вот соединили. И что толку-то?

Вздохнули оба о надеждах несбывшихся.

– А теперь-то что?

– Теперь... – Древояр огладил бороду. – Страшно?

– Страшно, – призналась Мудрослава. От него ли, старого, скрываться. И не так уж глуп братец, ежели послал единственного, пожалуй, человека, которому она верила.

И которого готова была слушать.

Сам ли додумался?

Хорошо бы.

– И чего боишься?

Мудрослава призадумалась. А и вправду? Чего она боится-то?

– Не знаю. Но... это же... Проклятые земли. И... и там чудовища. Твари. Мертвецы ожившие.

И тот, кто этими мертвецами повелевает.

Вздумалось ему жену искать. На кой ляд ему жена вообще?

– Оно-то, конечно, верно, да только поспрашивал я людей, которые там бывают.

– А такие есть?

– Есть, конечно, – усмехнулся в бороду Древояр. – Купцы-то туда, оказывается, частенько наведываются. И такие, которые уж давно торг ведут...

– С мертвяками?

– Да говорят, что уж сколько лет ходит, но ни одного мертвяка не видывал. Вот чудища, те случаются, но и то редко.

Повыбили их, стало быть. А так-то горы. За горами – земли. На землях, стало быть, люди. Селения. Есть малые, есть побольше.

– Люди? – верилось в подобное слабо.

– Свей Янович, кой уж не первый год зерно туда возит, сказывал, что до того его батюшка торговал, а еще раньше – и его. Что во времена-то прежние там оно сложнее было, тварей больше, людей меньше. Беда их в том, что земля-то родит, да не нужное. Травы всякие запретные, стало быть, растут, а вот пшеница аль рожь – нет. И приходится возить. Платят честным серебром и золотом. И травы их опять же весьма ценятся.

Люди.

Странно так.

– А...

– Сперва-то беглые тудашечки шли, как он сказал. И те, которые удачи искали, сокровищей всяких, кладов. После и прочие потянулись, когда понятно стало, что жить там можно.

– А...

– А за порядком, стало быть, Повелитель Тьмы и приглаживает. И да, случалось Свею Яновичу с ним встречаться. Лица, правда, не видывал, ибо тот всюду в зачарованном доспехе ходит. Но клянется, что тот – человек. Может, силой наделенный, но и сама-то ты не бессильная. Хорош аль нет, того не ведаю. Как и то, каков он норовом. Но Свей Янович

сказывал, будто местные его крепко уважают. Он и пиратов побил, которые на земли его захаживать повадились, и разбойничков, ежели заводятся вдруг, тоже скоренько находит, а потому царят там мир и порядок.

– Разве так бывает?

– Съездишь да поглядишь, – Древояр глядел лукаво. – Подумай, девонька. А что ты теряешь-то? Окромя своего курятника.

Мудрослава отвернулась к стене.

Сырое дерево, темное. И дом клали наспех, оттого и вышел он таким, никчемушным.

– Там же ж писано, что смотрины он устраивает. Стало быть, будут еще девки. Он на них поглядит, ты на него. Тогда-то и решать станешь.

– Что решать?

– А вот тут уж сама гляди. И еще, – Древояр поднялся. – Слыхал, что письма-то не мы одни получили. Лакхемцы будут, островитяне, еще кто, может...

И девиц не отправят без должного сопровождения.

Это свита.

В свите – люди.

Знатные, ибо иных невместно отправлять. А стало быть... стало быть шанс вырваться из этого, как верно Древояр выразился, курятника. И Мудрослава не простит себе, если вдруг шанс этот упустит.

Живой он там, мертвый, этот повелитель.

На месте разберемся.

– Еду, – Мудрослава тоже поднялась. И щелчком пальцев убрала стену. – Эй ты, вели, чтоб вещи собирали да поскорее...

Душа жаждала действий.

И немедленно.

Глава 10

О том, что лучшие сделки скрепляются свадьбой

«И по слову его восстали мертвые, дабы изничтожить все живое, что было в городе. Небо заволокла тьма. И тысячи злобных тварей, невиданных доселе, поднялись по-над крепостными стенами. Страх сковал людские сердца, и пали на колени все, кто был, вознеся молитву к богам, испрашая о спасении. И тогда-то свет солнечный пронзил тучи, коснувшись чела того, кто был избран, дабы свершить волю богов. И уверовали люди...»

«Повествование о житии святого Никола Берендийского, кой в честном бою поверг проклятого чернокнижника и совершил многие иные подвиги, писанное монахом Николой во прославление Светлых сестер»

Тяжелый корабль медленно вползал в бухту. Здесь, среди узких скал, он казался особенно огромным и даже уродливым. Позолота поблекла, торчали мертвыми деревьями мачты, свисали снасти, словно куски горного мха. Тень его ложилась на воды неподъемною тяжестью.

– Явились, – проворчал старый Ворон, сплюнув под ноги. – Ишь...

Корабль замер.

Заскрипел натужно, и полетели якорные цепи, тяжело рухнули литые когти, норовя зацепиться за дно. Там, далеко, суетились матросы, казавшиеся с берега совсем крошечными. И подумалось, что вот сейчас бы ударить. Свистнуть.

Люди ждут.

Люди надеются.

Люди готовы. И Брунгильда спиной чувствовала их ярость, их бессилие. Чувствовала и...

Отец дал слово.

И отец сдержит его, ибо, когда не остается ничего, кроме чести, негоже терять и её.

Вот скользнул на воду шлюп с людьми. Взметнулись весла, рассыпая искры брызг. Море, будто не желая терпеть чужаков подняло волну, но и оно, обессиленное, лишь толкнуло неуклюжую пухлую лодчонку. А ведь могло бы понести, потянуть, швырнуть на зубы скал.

Появилось ощущение, что и море предало.

Но нет.

Идут. Ровно. Спокойно. Уверенные, что ничего-то им не грозит.

– Твари, – проворчал Ворон, стискивая рукоять короткого клинка. И некогда прикормленный кровью, ибо был Ворон воином и застал еще те времена, когда окрестные воды принадлежали Островам, тот отозвался. Эхо силы Брунгильда тоже ощутила.

– Помолчи, – буркнул отец.

Первое слово, произнесенное им с утра. Брунгильда покосилась. Стоит. Прямой и могучий, высокий, как та вот корабельная мачта. Плечи его по-прежнему широки и плащ из шкуры морского змея лежит на них. Он невыносимо тяжел, этот плащ, как и костяной венец. И отец с радостью бы отдал его.

Было бы кому.

Не было.

Брат слишком юн. И может статься, что не доживет он до тех дней, когда сумеет удержать тяжелый клинок. Хотелось есть.

Безумно хотелось есть.

И не только ей. Взгляд Ворона тоже был голодным. И те, другие, устремленные на корабль, в недрах которого должно было скрываться столь необходимое им зерно.

Но вот шлюпка коснулась дна. Море брызнуло пеной и отползло, а нога в высоком кожаном сапоге продавila песок. Человек, выбравшийся из лодки, был невысок, полноват и нехорош собой. Он явно не привык ни к шлюпу, ни к морю и теперь не мог скрыть своего раздражения. Он крутил головой, кривился и губы его шевелились, словно он разговаривал, а с кем – не понять.

Брунгильда разглядывала его... пристально.

Пожалуй.

Он?

Или тот, другой, который выбрался следом. Он похож на первого лицом и этими вот чужими белыми волосами, которые они носят, сверху посыпая мукой. И еще нарядом, довольно-таки нелепым.

И лицом.

Правда, тот, другой, выглядит молодым, но он слаб. И Ворон вновь не сдерживает плевок.

– Доброго дня! – Торвальд первым сделал шаг навстречу гостям.

А из лодки выбирались другие люди, одетые менее нелепо. И при оружии. Они оглядывались с опаскою, явно не испытывая особого доверия. И Брунгильда подумала, что не так уж далеки были времена, когда головами подобных гостей украшали стены общинного дома.

– Доброго, – тяжело выдохнул старший, обмахиваясь пятерней. – Жарко у вас. Я и не думал, что так жарко.

– Это днем, – пояснил Торвальд, стиснув зубы.

Короткое приветствие.

И взгляд такой, хозяйский, словно он уже уверен, что все-то вокруг принадлежит ему.

– Понятно... понятно... а это, стало быть, ваша дочь?

Прозрачные глаза вперились в Брунгильду.

– Крепкая. Деток хороших родит, да... а это мой племянник. Никас, подойди, поздоровайся. Умный мальчик. Вот увидите, он скоренько освоится.

Брунгильда в том весьма сомневалась.

Никас в ближайшем рассмотрении оказался худым и краснолицым. Пудра с парика осыпалась, приклеивалась ко лбу и оттого казалось, будто само его лицо покрыто то ли плесенью, то ли коростой. В прозрачных глазах мелькнуло удивление.

Растерянность.

Что ж, она ему нравится ничуть не больше, чем он ей. Вот уже и нашли что-то общее.

– Побеседуем предметно? – предложил Авияр Денальди, известный купец и владелец небольшой флотилии из двенадцати судов. И отнюдь не все из них были торговыми, хотя таковыми числились.

В общинном доме стояла тишина.

Пахло... бедой. Не хлебом, ибо зерно закончилось еще когда. И не сушеной рыбой, которую доедали последней. Пахло тоской.

Сыростью.

И старыми шкурами.

– Удивительно, – Авияр огляделся и потер руки. – Просто удивительно... взгляни, мальчик мой...

Мальчик взглянул. Он, кажется, с трудом сдерживался, чтобы не броситься прочь. И теперь, его глазами, Брунгильда вдруг увидела царящую вокруг нищету.

Солома на полу, пусть и смешанная с ароматными травами, но аромат их давно иссяк.

Очаг.

Пустой.

Горючих камней осталось мало и потому очаг растапливали лишь ночью, когда холод сковывал стены.

Лавки.

Стол. Темные и старые.

– Думаю, настало время поговорить серьезно, – Авияр присел первым. Как хозяин. Но пока еще не на место вождя.

Пока.

– Серьезным людям. Пусть... уйдут, там уже должны начать разгрузку. Ты говорил, что зерно нужно срочно.

– Ворон. Займись.

– А ты? – Ворону явно не хотелось уходить, но и слушаться своего конунга он не смел. – И эти...

– О, не стоит волноваться. Моя охрана. Человеку серьезному негоже выходить без охраны. Даже к друзьями.

Авияр оскалился.

– Они подождут нас за дверями. И вы можете оставить кого.

Он чувствовал себя не просто уверенно. Он точно знал, что никто-то на острове не причинит вреда ни ему, ни его снулому племяннику, который растерянно озирался, явно не решаясь присесть.

– Что ж, теперь о деле, – Авияр потер руки. За Вороном закрылась дверь и в доме стало сумрачно. Окна здесь появились уже при отце, и де узкие, под самым потолком. На ночь

их закрывали ставнями, и света пробивались капли. Этого света хватало, чтобы вовсе не сидеть во тьме.

А от чужаков пахло цветами.

Странно так.

Резко.

– Я готов и в дальнейшем поставлять Островам зерно и иные товары, ибо всегда думал, что дружить лучше, нежели воевать, – руки у него тоже не мужские, длинные, узкие и с тонкими пальцами. А еще белые да гладкие, такие если и бывают, то у детей. – И потому имею выгодное предложение. Одно дело, конечно, договор и торговля, но и она может идти на разных условиях.

– Ближе, – Торвальд Рваное ухо никогда не любил болтунов. А уж этому, чуяла Брунгильда, вовсе с превеликим удовольствием свернул бы шею. – К делу.

Но не мог.

Год выдался на диво неудачным. И ладно бы только этот. Когда все началось? С северными ветрами, которые пришли раньше, нежели обычно? Старик Хорм еще тогда жив был и, понюхав воздух, сказал, что не к добру оно.

Готовиться надо.

Тогда его ворчание никто не воспринял всерьез. Ветра? Бывает. Вслед за ветрами приходят косяки жирной селедки, и тогда на берегах денно и нощно пытаются костры. Море кипит от чаек и лодок. Стонут сети и валяются от усталости люди, но спешат, берут от морских щедрот столько, сколько мо-

гүт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.